

Макс Неттлау

**Жизнь и деятельность
Михаила Бакунина**

Михаил Бакунин родился в русской дворянской семье, родословная которой восходит к 17-ому столетию. Согласно преданию предки Бакунина иммигрировали в Россию из Трансильвании. Отец его еще ребенком был отправлен вместе с русским посольством во Флоренцию и прожил в этом городе и в Неаполе до 35-летнего возраста, состоя на дипломатической службе. После его возвращения в Россию ему вскоре надоела столичная, придворная жизнь. Он уехал на постоянное жительство в свое имение и в сорокалетнем возрасте женился на 18-летней девушке из семьи Муравьевых. От этого брака родилось 11 детей – 6 сыновей и 5 дочерей; Михаил Бакунин был старшим сыном (родился 8/20 мая 1814 г.) Бакунин описал свои детские годы, проведенные в родном селе Прямухине Торжокского уезда, Тверской губернии, в автобиографическом очерке «История моей жизни», впервые напечатанном в «Société Nouvelle» (Брюссель, сентябрь 1896 г.). В этом очерке он рассказывает что он был очень привязан к своему отцу. Это был умеренный либерал, просвещенный человек, принимавший участие в одном из декабристских кружков, что осталось впрочем необнаруженным. Однако печальный исход всех свободолобивых стремлений, разочарование в российской действительности, а также и влияние жены, холодно относившейся к его гуманитарным взглядам, все это привело к тому что он отказался от своих идей и стал крайне осторожным скептиком. Благодаря отцу Бакунин получил более или менее свободное воспитание. Так, например, ему не прививали никаких религиозных верований, ограничившись тем, что познакомили его с внешней обрядовой стороной православия. С другой стороны отец старался по возможности оградить детей от ознакомления с действительным положением народа, напр. с крепостничеством, опасаясь, что это может вызвать в них дух недовольства существующим строем. Он охотно давал детям читать описания путешествий, производившие на Михаила Бакунина сильное впечатление, возбуждавшие его воображение и вызывавшие в нем желание самому пережить подобные приключения, так что одно время он даже, как говорят, помышлял о бегстве из родительского дома. Он провел таким образом счастливое детство, не зная ничего о суровых сторонах жизни.

За три года (1829–1832 г. г.) он окончил петербургское артиллерийское училище. У нас нет непосредственных источников, по которым мы могли бы получить ясное представление об его жизни в течение этого периода. Остается поэтому невыясненным, почему он, несмотря на успешное окончание училища и связи своей семьи, дававшие ему возможность поступить в гвардейскую артиллерию в Петербурге, был послан в чине прапорщика в полк, стоявший в Минской губернии.

Там он провел в захолустном местечке два года, будучи свидетелем всевозможных угнетений, которым население подвергалось после подавления польского восстания, «Служба» совершенно его не интересовала; он много читал, и наконец сам оборвал свою карьеру, подавши в отставку в 1834 г. Несмотря

на то, что этот поступок вряд ли находился в соответствии с планами его отца, последний очевидно ничем не проявил активно своего недовольства, так как мы не встречаем никаких следов вмешательства отца в его дальнейшую жизнь. Следующие шесть лет (до 1840г.) он провел большей частью в Москве, где он жил то один, то вместе с друзьями; летом же он обычно жил в Прямухине в кругу своей семьи, и только в 1840 г. он посетил Петербург.

Эти годы Бакунин посвятил страстному изучению философии и на этой почве вступил в тесную связь с наиболее прогрессивными московскими и петербургскими студентами. Он сумел с исключительной яркостью постичь учения некоторых философов и комментировать их в бесчисленных разносторонних дискуссиях с друзьями; он весь ушел в абстрактное мышление и больше чем когда либо отдалился от действительной жизни. Весной 1835 г. он вступил в переписку со *Станкевичем* и встретился с ним лично в ноябре того же года. В это время он занимался чтением сочинений французских философов, в том числе *Кондильяка*. Станкевич привлек его к изучению Канта и *Фихте*. Бакунин стал восторженным последователем Фихте, и первой его напечатанной работой был перевод сочинения Фихте «Несколько лекций о призвании ученого». («Телескоп», 1836 г.). Последователем Фихте был в то время также и *Белинский*, который после скорого отъезда Станкевича (1837 г.) стал ближайшим и вместе с тем самым выдающимся из друзей Бакунина. Он провел несколько месяцев в семье Бакунина, в Прямухине (летом 1836 г.), и с энтузиазмом вспоминал потом об этом времени. Только в 1837 г. друзья приступили к изучению философии *Гегеля*, которая вскоре оказала колоссальное, для нас теперь непонятное, влияние на все мышление и на все воззрения этих кружков. Первой самостоятельной работой М. Б. было предисловие к переводу «Гимназических речей» Гегеля («Московский Наблюдатель», 1838 г., март–апрель); следующей работой была неоконченная статья «О философии» («Отечественные Записки», т. IX, 1840 г.).

Осенью 1839 г. кружок М. В. познакомился с *Александром Герценом* и его друзьями, возвратившимися в Москву из провинции, куда они были сосланы, и тогда произошло весьма острое столкновение между московскими гегельянами, не останавливавшимися перед тем, чтобы распространить положение «все существующее разумно, раз оно существует» также и на позорнейшие явления российской действительности, с одной стороны, и кружком Герцена – свободомыслящими, республиканцами, сочувствующими французскому социализму, – с другой. В результате каждая из двух сторон осталась пока при своих взглядах, но благодаря ознакомлению с кругом идей противника обе стороны извлекли большую пользу из этих дискуссий.

В 1840 г. после краткого пребывания в Петербурге Бакунин стал готовиться к отъезду в Берлин с целью изучения немецкой философии в тамошнем университете. Возможно, что он рассчитывал добиться современем в России профессорской кафедры по философии. Во всяком случае он почувствовал

потребность покончить с бездеятельной жизнью, которая, как он опасался, должна была привести его к «самому большому несчастью – к постепенному опошлению». Он выехал в июле или августе 1840 г. из Петербурга в Берлин, где уже со следующего зимнего семестра стал посещать университет.

Внутренний процесс превращения Бакунина из консервативного в революционного гегельянца очень ясно вырисовывается из следующих результатов. Профессора Вердера, пользовавшегося тогда большой славой в качестве красноречивого излагателя гегелевской системы, Бакунин был вынужден признать поверхностным краснобаем, который в своем стремлении к компромиссам избегает доводить идеи Гегеля до их логического конца. Он также присутствовал при полном фиаско Шеллинга, впервые выступившего зимой 1841–42 гг. с изложением своей реакционной системы. По этому поводу появилась в Лейпциге, в 1842 г. брошюра анонимного автора, которая, согласно письму А. Руге к Розенкранцу (апрель 1842 г.), была написана Бакуниным, жившим тогда уже в Дрездене. Ее заключительные страницы впервые показывают нам революционного Бакунина, увлекающегося Фейербахом. Он призывает «рискнуть наконец своей жизнью в последней священной войне, за которой последует тысячелетнее царство свободы». . . «. . . великий решительный день, день сражения народов приближается, победа должна быть на нашей стороне». В этих вдохновенных призывах он говорит правда пока только о философском бое, но все же они прежде всего обнаруживают темперамент, победивший наконец покой абстрактного мышления.

В Берлине Бакунин жил несколько времени вместе с Тургеневым. Там же он познакомился с Фарнгагеном фон Энзе, сохранившим навсегда к нему чувство глубокой симпатии. Летом 1841 г. он ездил в курорт Эмс. Когда он оставил Берлин, неизвестно. Весной 1842 г. он был уже в Дрездене, где он близко сошелся с Арнольдом Руге и его друзьями, группой радикальнейших гегельянцев. Его брат Павел и Тургенев также прожили некоторое время в Дрездене, и там же Бакунин познакомился с музыкантом Адольфом Рейхелем, происходившим родом из Восточной Пруссии, и приобрел в его лице истинного друга на всю жизнь.

Опубликование сочинения Бакунина «Реакция в Германии. Письмо француза» в журнале «Deutsche Jahrbücher» (17–21 октября 1842 г.), выходившем под редакцией Руге, представляет собою поворотный пункт в его жизни. Статья эта подписана псевдонимом «Жюль Элизар», но авторство Бакунина не сохранилось в тайне, и таким образом не приходилось больше думать о преподавании в русском университете. Бакунин, впрочем, уже давно был и без того скомпрометирован в политическом отношении благодаря своим связям с радикальнейшими немецкими кругами, а также и с поляками. Статья эта направлена против половинчатых и тепловатых, компромиссных течений. Заключительные слова статьи общеизвестны, менее известен весь заключительный абзац: «Будем–те же доверять вечному духу, который только потому

разрушает и уничтожает, что он является непостижимо глубоким и вечно творящим источником жизни. – Дух разрушения есть в то же время созидующий дух!»

В начале ноября 1842 г. в Дрезден приехал Гервег, путешествовавший тогда по Германии, и остановился у Бакунина. Спустя несколько недель положение Бакунина стало непрочным очевидно он не согласился на требования неофициального характера вернуться в Россию, а Саксония, где вскоре после этого был закрыт журнал Руге, не могла считаться безопасным для него убежищем. Вследствие этого он уехал вместе с Гервегом из Лейпцига в Швейцарию (через Страсбург) в начале января 1845 г.

В Цюрихе он прожил несколько месяцев, приятно проведенных в кружках тогдашних тамошних немецких радикалов, среди которых были Юлиус Фребель, Август Фоллен и др. Его боевое жизнерадостное настроение обнаруживается в написанном в мае 1843 г. и напечатанном в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher» (Париж, 1844 г.) письме его к Руге, под заглавием: «В. an R.» Уже в его статье, появившейся в октябре 1842 г., Бакунин проявляет большой интерес к социализму, но преимущественно в философском смысле. Остается неизвестным с каким из социалистических течений он познакомился раньше; во всяком случае романы Жорж-Занд, находившейся тогда под влиянием Пьера Леру, произвели на него сильное впечатление. Но в Цюрихе он вступил в прямые сношения с немецкими коммунистами вейтлинговского направления и в течение краткого периода времени с самим Вейтлингом, и с тех пор (а может быть еще со времени, когда он жил в Дрездене) воспринял социализм со всеми его крайними выводами. При этом он однако не проникся столь распространенной тогда верой в определенную спасительную систему и не соглашался жертвовать свободой в пользу равенства. Темперамент и философское образование заставляли его прежде всего крепко держаться принципов свободы и революции, так что он вскоре перерос кружки рабочего коммунизма Вейтлинга, Августа Бекера и др., или вернее – он никогда к ним и не принадлежал. Кабэ также не оказал на него никакого влияния, впоследствии его не мог привлечь на свою сторону Маркс, и сочувствовал он только взглядам Прудона, за исключением философских воззрений последнего. Одним словом, можно сказать, что, отбросивши консервативное гегельянство, державшее его мысль в оковах с 1837 г. до 1840 г., Бакунин быстро и уверенно пришел по существу к своим позднейшим воззрениям, не веря в реальность какойнибудь компромиссной точки зрения.

Несколько анонимных статей Бакунина под общим заголовком «Коммунизм» появилось в журнале Фребеля «Der Schweizerische Republikaner» (Цюрих, 2, 6, 13 июня 1843 г.). В ночь с 8-го на 9-го июня был арестован в Цюрихе Вейтлинг, и Бакунин должен был тогда немедленно покинуть этот город. Пользовавшийся печальной известностью Блюнчли опубликовал его фамилию, найденную в бумагах Вейтлинга (21 июля). Русский посол в Берне немедленно потребовал

от цюрихского правительства доставления сведений о Бакунине, и таким образом впервые против него началось официальное следствие. Бакунин уехал в Проманту под Нионом, на Женевском озере, где он поселился в доме итальянского эмигранта Пескантини. В течение следующих месяцев он жил также в Женеве и Лозанне, где он встречался с немецкими коммунистами и сторонниками «Молодой Германии». Вслед за этим он совершил путешествие по Альпам вместе с Рейхелем и Августом Бекером (Шамони, долина Роны, Мейринген, Гримсель к т. д.). Наконец он в октябре приехал из Ниона в Берн, где завязал тесное знакомство с семейством Фохтов, находившимся в родстве с Фолленом. Но в феврале 1844 г. он был вызван русским послом в Берне, сообщившим ему о приказе немедленно возвратиться в Россию. Тогда он предпочел покинуть Швейцарию и в середине февраля выехал в Брюссель.

Там он виделся с несколькими поляками, в том числе с Лелевелем, а также с русскими знакомыми, проезжавшими в Париж через Брюссель. Сам он впервые поехал в Париж в мае, а в середине июля 1844 г. он поехал туда вторично, и на этот раз он там остался жить.

В течение следующих лет Бакунин познакомился с самыми разнообразными прогрессивными кругами Парижа; при этом он однако сохранил свою независимость и лучше всего чувствовал себя в маленьком кружке действительно свободомыслящих людей, в числе которых были Рейхель, Гервег и его жена, Прудон и впоследствии Герцен. Также хорошо он чувствовал себя в описанном Карлом Фохтом веселом обществе естествоиспытателей и любителей в Сен-Серване под Сен-Мало, где он жил летом 1845 г. Он близко познакомился с кружком «Форвертс» (Париж, 1844 г.), но чем ближе он узнавал французов, тем больше он удалялся от немцев, за исключением упомянутых личных друзей. Мелкая душа Руге, начавшего тогда уже опускаться, и злой характер Карла Маркса, затмевавший его блестящие способности, показали ему, что революции нечего ждать от этих кружков филистеров и педантов. Я не буду называть имена тех многих французов, с которыми он вел знакомство и из которых каждый почти имел особую социалистическую систему для собственного потребления. Большой интерес представляют его встречи с Прудоном, с которым он однажды имел дискуссию, продолжавшуюся целую ночь до утра. Многие из русских друзей Бакунина приехали в то время в Париж; в 1847 году приехал Герцен и позже безнадежно больной Белинский. В эти годы в печати мало что появилось принадлежавшее перу Бакунина. 27 января 1845 г. появилось его письмо в «Reforme», после того как он, в конце декабря, был заочно осужден к лишению всех прав состояния и к пожизненной ссылке в Сибирь. В этом письме он впервые высказался по поводу положения дел в России. 12 марта 1846 г. он поместил письмо в «Constitutionnel» о жестокостях русского правительства в Польше. В октябре 1844 г. он написал «Изложение и развитие идей Фейербаха», которое никогда не было напечатано. Это были для него интересные годы, в течение которых он узнал много нового. Но в то же время это

были для него годы горьких разочарований, так как столь страстно и с такой уверенностью ожидавшаяся им революция все еще не приходила. Бакунин сделал ей шаг на встречу, выступив 29 ноября 1847 года со своей известной речью на польском собрании. Это было его первое публичное выступление, и он бросил тогда в лицо официальной России выражение своего презрения и стыда за нее. Следствием этого выступления было его изгнание из Франции (декабрь 1847 г.). Не ограничившись этим, министр граф Дюшатель, подстрекаемый русским послом Киселевым, пытался возвести на Бакунина гнусное обвинение, на которое Бакунин дал ему достойный ответ («Réforme», 11 февраля 1848 г.).

Он уехал тогда в Брюссель, где вращался в польских кругах и где он опять встретился с кружком Маркса, от которого у него осталось неприятное впечатление. Вряд ли ему удалось бы долго удержаться в Брюсселе, и поэтому он уже подумывал о переезде в Лондон, но известие о парижской февральской революции заставило его немедленно возвратиться в Париж. Первые свои впечатления о новой революции он изложил в статье, напечатанной тогда в парижской «Réforme». Так пришла наконец революция, которую он так долго и страстно ожидал.

Я ограничиваюсь здесь только очень беглым обзором планов и деятельности Бакунина в течение 1848–49 гг., так как более подробное резюме деятельности его в этот период я поместил в берлинском журнале «Socialistische Monatshefte» за 1898 г. – Он предвидел с самого начала, что временные победы в феврале и марте еще не обеспечивали торжества революции и что необходимо ее углубление, иначе поднимающая голову реакция отнимет все ее завоевания. Он видел, что дальнейшее развитие революции может явиться только следствием совместного действия демократических партий всех стран, чему реакция старалась воспрепятствовать путем возбуждения национальной ненависти и приготовления национальных войн. Своей личной задачей, к выполнению которой едва ли был подставлен кто либо иной, он считал революционизирование славян для того, чтобы они могли примкнуть к европейской революции вместо того, чтобы стать орудием реакции, которая, как это и случилось в действительности, могла их толкнуть на путь национальной ненависти. Это была очень трудная задача; у него не было точки опоры, он должен был сам создать для себя все средства и помощников. В глазах всех «солидных» демократов, за исключением немногих, он постоянно являлся беспокойным человеком, мешавшим им предаться опять отдыху и погрузиться в спокойный сон. Вследствие этого его деятельность дала тогда больше планов и попыток, чем конкретных результатов. Но он все же остается одним из немногих людей, которые отдавали себе в 1848 г. ясный отчет в действительном положении дела и поднялись над иллюзиями и ошибками масс.

После несколько счастливых недель, проведенных в атмосфере энтузиазма февральских и мартовских дней, когда отовсюду приходили известия о победе

революции, Бакунин оставил Париж в начале апреля, уже несколько разочарованный. Его ближайшим намерением было присоединиться к ожидавшейся польской революции и попытаться перенести ее внутрь России. С этой целью он поехал в Бреславль, тогдашний центр польского движения, где он принял участие в организованных Дембинским в начале мая польских совещаниях. По пути он заехал в Франкфурт, где он познакомился с целым рядом немецких демократов; в Кельн, где он окончательно порвал с Марксом и Энгельсом из-за осуждения своего друга Гервега; в Берлин, где полиция сначала стала его беспокоить, но потом – это было месяц спустя после 18 марта – оставила его в покое, и наконец в Лейпциг, где он опять встретился с Руге. Вслед затем он появился на славянском конгрессе, состоявшемся в начале июня в Праге, где он выступил с пропагандой своих идей в самой неблагоприятной обстановке, так как настоящие заправилы конгресса менее всего преследовали прогрессивные цели. Возможно, что некоторые из его мыслей вошли в манифест: «к народам Европы». О его тогдашних взглядах по славянскому вопросу мы можем судить, по проекту «Статутов новой славянской политики», с которым конгресс не ознакомился. Конгресс был прерван военным нападением, поведшим к революционным выступлениям. В продолжение недели Пятидесятницы Бакунин находился в центре революционного движения в Клементинском квартале, где вел агитацию между студентами. 19 июня он оставил Прагу и направился в Бреславль. Здесь его застала позорная клевета, появившаяся в «Новой Рейнской Газете» от 6 июля 1848 г., вполне опровергнутая им посредством полученного письма от Жорж Занд (Сравн. «Нов. Рейнскую Газ.» от 16 июля и 3 августа и статью Маркса в лондонской газ. «Morning Advertiser»). Клевета эта все же временно помешала его деятельности. Его душевное настроение и мрачная оценка тогдашнего положения обнаруживается в нескольких письмах его, написанных в 1848 и 49 гг. к Георгу Гервегу (Письма эти напечатаны в сборнике «1848–ой год», Мюнхен, 1898 г.) Так, напр., в начале августа он пишет: *«Я не верю в конституции и законы: наилучшая конституция не удовлетворила бы меня. – Мы нуждаемся в чем то ином; в буре и в жизни и в новом, лишенном законов, а потому и свободном мире»*. В середине июля 1848 г Бакунин поехал в Берлин, где он встречался с поляками, с демократическими депутатами и целым рядом других лиц. Там же он тогда познакомился с Максом Штирнером и по настоянию общих друзей помирился с Марксом. 22 сентября он опять поехал в Бреславль и 6 октября был выслан из Пруссии; 9 октября, проезжая через Саксонию, он был выслан также и из этой страны. Верное убежище он нашел в тогдашнем маленьком оазисе свободы, в Ангальте, где он и прожил до января 1849 г., в Кетене и Дессау, вращаясь в сочувствовавших ему кружках ангальтских демократов. Там же он часто встречался с министром–демократом Габихтом и др. Этими месяцами внешнего покоя он воспользовался для издания «Воззвания к славянам» (Кетен, 1848 г.). Но главным образом он был занят заговорщической деятельностью, т. е. попытками склонить револю-

ционные элементы разных стран к новому выступлению весной 1849 г. До сих пор осталось неясным степень участия других революционных деятелей того времени в этом направлении. Из его усилий ничего не вышло, но во всяком случае вполне установлено, что Бакунин видел единственный путь к спасению революции в таком объединении отдельных движений и работал очень энергично в этом направлении. Благодаря этому он стал наиболее ненавидимым для реакции человеком, внушавшим ей страх более чем кто-либо другой. И это произошло не благодаря каким-либо его утопическим стремлениям, а как раз потому, что он был практичнее всех других и пытался прибегнуть к самому опасному для реакции средству: к объединению сил революции.

С января до начала марта 1849 г. он жил нелегально в Лейпциге, откуда он вел сношения с целым рядом молодых чехов, находившихся в Праге; кажется, что он также однажды сам с большой опасностью для себя ездил в Прагу. Заговорщики надеялись на восстание в Праге, в котором должны были принять участие чешские крестьяне; быть может, имелось в виду совместное выступление с польскими повстанцами, которое должно было воспрепятствовать вмешательству России в Венгрии. Бакунин стал еще энергичнее работать в этом направлении, когда несколько позже, начались выступления в связи с немецкой имперской конституцией. С марта месяца Бакунин избрал центром своей деятельности Дрезден, бывший более важным центром чем Лейпциг. Отправка Рекеля в Прагу с письмом Бакунина от 30 апреля 1849 г., показывает, что планы Бакунина были совершенно реальны, хотя, с другой стороны, фактический опыт Рекеля, в Праге обнаружил, что для осуществления этих планов имелись слабые материальные основания. После взрыва дрезденской революции были произведены в Праге массовые аресты, и многие чехи и немцы просидели в тюрьме после долгих судебных процессов до 1857 г.

Роль Бакунина в дрезденской майской революции общеизвестна (3–9 мая 1849 г.). В теснейшем контакте с временным правительством он работал самым энергичным образом днем и ночью, и имя его внушало саксонским мещанам панический страх. С остатками борцов майской революции он уехал утром 9 мая в Фрейберг, вместе с Гейбнером и Рихардом Вагнером. На последнего Бакунин оказал очень сильное влияние, и тот в своих сочинениях того времени сам открыто объявлял себя сторонником анархии. В Фрейберге, где Бакунин в последний раз предложил план, впрочем неосуществимый, вторжения в Богемию, добровольческие отряды были распущены, и Гейбнер, Бакунин и некоторые другие уехали в Хемниц, где их встретили как будто бы дружески, но в ту же ночь, с 9–го на 10–ое мая, когда они спали, на них напали саксонские мещане, арестовали и выдали прусским солдатам, в Альтенбурге. Солдаты повезли их далеким круглым путем через Лейпциг в Дрезден, где они были посажены в тюрьму. Тут начинаются тюремные годы Бакунина.

В ночь с 24–го на 25–ое мая Бакунин, Гейбнер и Рекель были переведены

в Нейштадт, в кавалерийскую казарму, где они просидели до 29 августа, когда их перевели в крепость Кенигштейн. О тогдашнем настроении Бакунина дают представление его письма из крепости к своему другу Рейхелю. На допросе он открыто говорил о своих идеях и действиях, отказавшись сказать что бы то ни было о других соучастниках. 14 января 1850 г. им был вынесен смертный приговор в первой судебной инстанции, 16 апреля приговор был подтвержден во второй инстанции. В начале июня смертный приговор был им заменен пожизненными каторжными работами. Гейбнер отбывал каторгу до 1859 г., а Рекель до 10 января 1862 г. Бакунину пришлось просидеть в заключении меньше, чем им обоим. 13 июня 1850 г. он был выдан Австрии и посажен в монастырь Св. Георгия в Праге; с марта 1851 г. он находился в строжайшем заключении в Ольмюце. Здесь его постоянно допрашивали о пражском майском заговоре, и 15 мая его присудили к смертной казни через повешение, но тут же смертный приговор был заменен пожизненным тяжелым заключением в тюрьме. Немедленно после этого он был выдан России, чему он был рад, так как нигде условия заключения не были так тяжелы для него, как в Австрии.

Его привезли в Петропавловскую крепость, в Алексеевский рavelин. Здесь не было никакого судебного процесса, а от допросов он отделался тем, что составил адресованное Николаю общего характера письмо или записку. В начале Крымской кампании, в 1854 г., он был переведен в Шлиссельбург. Он заболел цынгой, потерял все зубы и впал, после того, как он и после смерти Николая не был освобожден, в такое состояние духа, что несомненно покончил бы с собою, если бы его семье не удалось в марте 1857 г. добиться ссылки его на поселение в Западную Сибирь.

После того, как он прожил на свободе неделю в Петербурге и один день в Прямухине, Бакунин был отправлен в апреле 1857 г. в Томск. Здесь, а впоследствии в Восточной Сибири, он жил совершенно свободно, если не считать ограничений в местожительстве и полицейского надзора. Вскоре он сумел достичь такого положения и морального влияния, какого никто из ссыльных не достигал, хотя в более тесных кругах они всегда пользовались известным моральным влиянием. Он стал встречаться здесь с декабристами и петрашевцами, с поляками и молодыми сибиряками, которым он старался привить идею Соединенных Штатов Сибири. Впоследствии он сообщал со своим родственником, губернатором Восточной Сибири Муравьевым–Амурским, строил планы, представляющиеся нам почти непонятными, так как мы ничего не знаем о лицах, в расчете на которых эти планы строились. При различных обстоятельствах Бакунин принимал участие в таких предприятиях, от которых, по нашему представлению, ему следовало бы держаться подальше. Но, как мы еще много раз увидим, он следовал в таких случаях побуждениям своей активной натуры, делавшей невозможным для него подобное воздержание.

Старания Муравьева–Амурского добиться полного помилования Бакунина потерпели неудачу, и последний стал добиваться разрешения переехать

в Восточную Сибирь. В марте 1859 г. он приехал в Иркутск. Он часто ездил в качестве служащего Забайкальской Амурской Торговой компании. Несколько позже он получил другое место у золотопромышленной компании. Когда Муравьев–Амурский оставил Сибирь, Бакунин осуществил в 1861 г. свой план бегства. Его бегство не было связано ни с какими физическими лишениями, но потребовало с его стороны большой ловкости, так как ему пришлось своим искусным обхождением с ними провести целый ряд лиц для того, чтобы не быть узнанным. Он сумел до последнего момента, до прибытия в Японию, изображать в глазах русских чиновников и судовых капитанов свое бегство в виде легальной деловой и научной поездки. Выехавши из Иркутска 5/17 июня 1861 г., он прибыл по Амуру в Ново–Николаевск 2/15 июля. В Японию, в Хакодате, он прибыл в августе. Оттуда он направился через Иокагаму в Сан–Франциско, куда прибыл 15 октября; 21 октября он приехал в Панаму и 15 ноября в Нью–Йорк; 14 декабря он был в Ливерпуле и 27 декабря приехал в Лондон, где он направился прямо к Герцену и Огареву, в семейный круг которых он попал вечером совершенно неожиданно. Здесь он встретил братский прием и сразу стал тем–же прежним Бакуниным. Уже в Японии он встретился с одним из участников дрезденской майской революции, В. Гейне, с которым он вместе поехал в Сан–Франциско (имя В. Гейне значится в судовом списке). В Сан–Франциско и в особенности в Нью–Йорке он встретил старых знакомых, так что бегство его удалось как нельзя лучше. Жена его, Антония, дочь поляка, на которой он женился в Томске в 1858 г., смогла с ним встретиться только весной 1863 г. в Стокгольме.

Теперь Бакунин взялся с новой колоссальной энергией за работу, стараясь возместить потерянные годы и своими призывами привлечь к делу революции элементы, отошедшие от нее с 1849 г., или вновь народившиеся. Поход Гарибальди на Сицилию и Неаполь, предстоявшее польское восстание, развитие революционной пропаганды в России, все это и многое другое предсказывало наступление нового движения. 60–ые годы действительно стали новым революционным периодом, продолжавшимся вплоть до войны 1870–71 гг., когда благодаря войне реакция окрепла на продолжительный срок. Усилия Михаила Бакунина оставались часто безуспешными. Между людьми 48–го года он чуть ли не единственный остался молодым, и прошли годы, пока он не привлек окончательно на свою сторону целый ряд людей, большей частью из среды молодежи, и пока, наконец, ему не представилась настоящая возможность развить пропагандистскую и агитационную деятельность в среде революционно–настроенных рабочих и студенческой молодежи Интернационала, от которого берет начало большинство современных революционных течений.

Вначале он остался жить в Лондоне, где его возвращение приветствовала группа английских рабочих. Здесь он познакомился с Мадзини, Саффи,

Луи Бланом, Таландые, Линтоном, Голиоком, Гарридо и многими другими. Но здесь же опять воскресла старая клевета, выдвинутая группой Уркарта, к которой стоял близко Маркс. Клевета эта, впрочем, повторялась и в 50-ые годы, когда Бакунин сидел в тюрьме. Действительная совместная работа с Герценом и Огаревым, издателями «Колокола», была невозможна, и его русские издания излагают личные его воззрения, его старую программу. Таково прежде всего его воззвание «К русским, польским и всем славянским друзьям» (15 февраля 1862 г.) Брошюра же «Народное дело, Романов, Пугачев или Пестель?», написанная в июле того же года, соответствовала, как ему казалось, практической потребности современной ситуации (см. письмо Бакунина к Герцену от 19 июня 1866 г.).

Он искал связей на всех границах для ввоза печатных произведений в Россию, знакомился со всевозможными славянами, армянами и др. и немного мешал своими слишком откровенными разговорами Герцену в его дипломатическом стремлении привлечь на свою сторону русских сектантов, желавших только быть суеверными на свой собственный лад и т. д. В общем это была несколько черезчур стремительная деятельность, не дававшая пока никаких результатов, а тем временем приближение польского восстания поглотило на целый год энергию Бакунина.

Только лишь польский вопрос привел к внешнему политическому объединению Герцена и Огарева с Бакуниным, причем перо Герцена и его «Колокол» в соединении с личностью Бакунина представили собой такую силу, что польские комитеты выразили готовность вести с ними переговоры как с равной силой. Эти лондонские эмигранты рассматривались как представители тайной русской организации «Земля и Воля» – впоследствии оказавшейся совершенно мифической – и офицерского комитета русской армии, стоявшей в Польше, душою которого был Андрей Потебня, единственный, кто сумел умереть за свое дело. Из многих предпринятых в связи с этими обстоятельствами шагов я перечислю только следующие: поездку Бакунина в Париж (август – сентябрь 1862 г.), благодаря которой между прочим, должно было быть достигнуто соглашение с Мирославским, закончившееся однако обоюдной ожесточенной полемикой; поездку в Лондон делегатов варшавского Центрального Комитета, Подлевского, Гиллера и Миловича (в конце сентября) давших свое согласие на выставленное русскими представителями требование об отказе от исторической Польши, и на автономию Литвы, Украины и Белоруссии; это был высший момент дружественных отношений; и, наконец, поездку Потебни в Лондон, о которых рассказал в 1870 г. Бакунин в своей брошюре, написанной для русских офицеров.

Отношения вскоре охладели, так как в польской организации одержало верх аристократическое течение, и слышать не хотевшее об отказе от исторической Польши и о возвращении земли крестьянам и возлагавшее надежды на французское вмешательство. Офицерская организация Потебни не нахо-

дила более никакой действительной поддержки, также как и план Бакунина о создании русского легиона, который он, напр., настоятельно отстаивал в одном своем письме от 3 февраля 1863 г. Наконец польский комитет передал ему свою просьбу отложить его поездку в Польшу и свою деятельность в ней (см. письмо Бакунина от 9 июля 1863 г.). Таким образом русские эмигранты могли содействовать польскому восстанию только посредством создания диверсии в России. Много говорилось тогда о казацких и сектантских восстаниях, о великой организации «Земля и Воля», о Кавказе и Финляндии, но если для этих разговоров и были кой-какие основания – революционные элементы России не проявили тогда никакой инициативы.

Благодаря всем этим обстоятельствам Бакунину пришлось остаться в Швеции, где он нашел сравнительно удобные условия для продолжения своей деятельности. 21 февраля он выехал из Лондона через Гамбург и Киль в Копенгаген, готовясь в случае соглашения с поляками отправиться в российскую Польшу вместе с ними, но, прождав напрасно, он приехал пока в Стокгольм. Оттуда он, будучи вызван на английское судно «Ward Jackson», отъезжавшее из Саутэнда 22 марта с польской экспедицией Лапинского, выехал в Гельсингфорс, куда приехал 26 марта. С подготовкой этого неудавшегося предприятия он не имел ничего общего. На этом судне он отправился в Копенгаген и Мальмэ, откуда возвратился 31 марта в Стокгольм. Действовать в таком направлении оказалось совершенно невозможным, но Бакунин, сделавший все, что он мог, для преодоления встретившихся затруднений, никоим образом не мог быть ответственным за неудачу. Его деятельность в Швеции состояла в том, что он старался повлиять на общественное мнение посредством статей (в «Aftonbladet») и речей (наиболее значительная речь была произнесена им 28 мая). Кроме того он путем личного знакомства старался оказать влияние на самые решительные и прогрессивные элементы шведского общества. Целью его пропаганды было объявление Швецией войны России, причем он наряду с Польшей упоминал постоянно и о Финляндии. Частным образом он приобрел много новых связей, между прочим и с Финляндией, и постоянно, хотя и безрезультатно, стремился к тому, чтобы наконец непосредственно познакомиться с организацией, якобы существовавшей в России. Несмотря на энтузиазм и оптимизм, который он высказывал в своих открытых выступлениях, он в действительности был сильно разочарован неудачей польского восстания и крахом связанных с ним надежд, возможностей. В своем письме от 29 августа 1863 г. он вынужден был сказать, «... даже самый лучший поляк враждебно относится к нам как к русским». Уже тогда он решил провести зиму в Италии, и в октябре того же года он выехал сначала в Лондон и вскоре затем в Италию. Тут заканчивается период его славянской деятельности (1862–63 г. г.). Он убедился очевидно, что национальные стремления непригодны даже как средство, и с этого времени начинается подготовительный период его интернациональной социально-революционной деятельности (1863–1867 г.

г.), за которым последовала его открытая деятельность в этом направлении.

В конце января 1864 г. он поехал во Флоренцию, через Брюссель, Женеву, Турин, Геную, Капреру (где он посетил Гарибальди), и Ливорно, отыскивая всюду старых знакомых и новых людей, примкнувших к движению. Несмотря на неудачу польского восстания он чувствовал, что на западе реакция подходит к концу – и начинается опять революционная пора (письмо от 24 апреля 1864 г.). Он жил во Флоренции, где встречался с итальянцами (Дольфи, Маццони, Берти, Калура и др.), русскими (Лев Мечников и др.), поляками, венграми и т. д. Он занимался еще иногда некоторыми польскими делами (отправка Мечникова к Гарибальди и т. д.) и впервые сделал попытку основания тайной организации (об этом ниже).

Летом он жил в курорте Антиньяно под Ливорно и позже, в августе, поехал, неизвестно с какой целью, в Швецию, где на этот раз пребывание его привлекло мало внимания. В октябре он поехал обратно во Флоренцию и по дороге остановился в Лондоне (где Маркс посетил его и уверял, что он никогда на него не клеветал), в Брюсселе и Париже (где он последний раз виделся с Прудоном). Во Флоренции он оставался до лета 1865 г. Это лето он провел в Сорренто, а в начале октября приехал в Неаполь, где остался, вместо предполагавшихся нескольких месяцев, почти на два года (до сентября 1867 г.), причем в летние месяцы он жил в Ишли (1866–67 гг.).

В Сорренто и Неаполе Бакунин познакомился с целым рядом молодых людей, принимавших уже участие в итальянском движении, как *Фанелли*, *Гамбуцци*, *Фрисчия*, *Тучи*, или с еще более молодыми, как *А. Драмис*, *де Люка*, *Милети*, а впоследствии *Кармело*, *Палладино* и др. Тут же он встречался с поляками *Валерьяном Мрочковским*, русской княгиней *З. О. Оболенской*, которая оказывала наиболее существенную материальную поддержку и с др. Для итальянского революционного движения он старался завоевать наиболее способные элементы из среды мадзинистов и гарибальдийцев, причем он мадзиниевскому религиозному патриотизму на буржуазной подкладке противопоставлял атеистический интернационализм на социально революционном базисе. Его первые итальянские статьи, в «*Popolo d'Italia*» (1865 г.) и в «*Liberta e Giustizia*» (1867 г.) и первый номер летучего листка «*La Situazione*», мне неизвестны. Но по программе итальянской тайной организации (1866 г.) мы можем себе составить определенное представление о том направлении деятельности Бакунина в итальянском движении этого времени, которое я охарактеризовал выше. Те же взгляды Бакунин развивает в своем письме к Герцену от 19 июля 1866 г. и, наконец, в более старых документах, напр., в масонских рукописях и в революционном катехизисе (1866 г.). Для того, чтобы избежать всяческих затруднений в своей работе, он старался действовать возможно более конспиративно, так как благодаря наущениям русских властей на него постоянно возводились разного рода нелепые обвинения – в поджогах в России, в выдел-

ке фальшивой монеты в Италии и т. п. Об этом он, между прочим, писал 29 мая 1867 г. в своем письме к Фанелли. По этой причине в течение этого времени в «Колоколе» появились за его подписью все лишь два заявления, и он был совершенно забыт, что вполне соответствовало его желанию.

В течение этих лет русское движение далеко перешагнуло через Герцена. Молодежь, приносившая всю свою жизнь в жертву движению, сначала относилась критически, а вскоре враждебно к странной позиции Герцена, который, с одной стороны, стал относиться критически к революционерам, а, с другой стороны, становился все доверчивее к самым ничтожным либеральным мероприятиям русского правительства. Кроме того Герцен не верил уже более в под'ем западноевропейского революционного движения и оставался одиноким в своем безнадежном разочаровании. Бакунин продолжал верить в молодежь и в пролетариат и возлагал большие надежды на будущее. Их частая взаимная критика в переписке, в которой до сих пор иногда оказывался правым Герцен, заканчивается в пользу Бакунина его блестящим письмом от 19 июля 1866 г. В этом письме он – как и позже, 22 июня 1867 г., приводил всевозможные доводы, чтобы заставить Герцена отказаться от своих пред-рассудков по отношению к молодому поколению, но ему так и не удалось переубедить Герцена.

В Италии Бакунин только случайно встречался с отдельными русскими; и только в 1868 г. в Вевей и Кларане представилась ему возможность организованной пропаганды. Здесь он нашел безусловных последователей в лице *Николая Жуковского* и его жены, а в лице *Николая Утина* и его кружка сначала сомнительных друзей, а потом явных врагов. Предполагалось основать типографию в Берне. Появился номер «*Народного Дела*» (1 сентября 1868 г.), целиком написанный Бакуниным и Жуковским. Разрыв с Утиным и другие обстоятельства, вызвавшие переезд Бакунина в Женеву, положили конец его участию в этом издании. Подготавливавшаяся им брошюра на французском языке «*Революционный вопрос в России и Польше*» (1868 г.), в которой он также собирался выяснить свои недоразумения с поляками по поводу последнего восстания, не была закончена и осталась ненапечатанной.

Однако свою главную задачу Бакунин видел в следующего рода деятельности: привлечь к своей более тесной программе, которая была безусловно атеистическо–анархистско–социалистической, наиболее интеллигентных, честных и энергичных людей, выступавших в освободительных движениях разных стран; организовать тайное совместное действие этих людей, посредством которого начинающимся народным движениям было бы придано революционное, прежде всего разрушающее государство направление; движения эти должны были бы быть поддержаны одновременными движениями в других странах, и таким образом, как он часто высказывал, должна была быть создана *невидимая, безличная* (и поэтому не дающая места тщеславию) *революционная диктатура*, которая воспрепятствовала бы распылению революционных сил

и их отклонению от прямой цели. В этом состоит основная мысль всей его неустанной деятельности с 1864 г. до 1874 г. Все это однако основывалось на личных, частных отношениях целого ряда революционеров между собою. Что же касается сложных статуты и программ, появившихся при этом, то они имеют второстепенное значение, и появление их должно быть приписано слабости быть может Бакунина, а быть может тех, для кого они были предназначены. Не следует однако по ним судить о ценности основной мысли, которая гораздо яснее проявляется в действительной истории распространения левого крыла Интернационала в Италии и Испании, южной Франции и романской Швейцарии.

Из всей истории деятельности Бакунина в течение этого периода, которую, по весьма понятным причинам, можно передать только в отрывочной форме, я выдвигаю следующие моменты: Его попытки привлечь франко-масонов (Флоренция, 1864 г.), о чем свидетельствуют также и отрывки из рукописей, показывающие, что он выработал свое мировоззрение к тому времени в совершенно ясной форме, в какой он высказал его позже в своей книге «Бог и государство». Попытки эти остались безуспешными, и он сам от них отказался. Его поездка в 1864 г. была им использована для привлечения членов в свою организацию. Лучшую почву нашли старания его в этом направлении в Неаполе, и в июле 1866 г. Бакунин писал Герцену о товарищах, завербованных им в Швеции, Норвегии, Дании, Англии, Бельгии, Франции, Испании и Италии, о поляках и нескольких русских. В этом письме упоминается также и о поездке с этой целью Мрочковского. Из рукописей мы имеем перед глазами: невероятно подробный устав «Организация» и длинное изложение основных идей общества («Революционный катехизис») – обе эти рукописи (французские) относятся к 1866 г.; печатные итальянские программы и статуты; более краткий и очевидно более старый рукописный отрывок: «Программа Общества Интернациональной Революции» (по-французски). – Организация именуется просто «интернациональное революционное общество», а члены «интернациональными братьями», так что обычным названием общества стало «Интернациональное братство».

Едва ли необходимо упоминать, что все это происходило раньше, чем Бакунин вступил в какую бы то ни было связь с Интернационалом. В то годы это общество жило едва заметной жизнью. Главные лидеры французской ветви – Толен, Фрибург и др. – находились под подозрением в бонапартизме, Маркс и его немецкие сторонники являлись представителями старого авторитарного коммунизма, и кое-где (Швейцария) процветал буржуазный социализм в духе Кульери. Только в Бельгии движение шло по пути свободного социализма.

Вследствие этого Интернационал до 1867 г. мог иметь для Бакунина лишь очень слабую притягательную силу, тем более, что он знал, что главным врагом этой организации был его старый враг – Маркс. И таким образом он работал со своими друзьями отдельно. Когда в 1867 г. был создан в Женеве

всеобщий мирный конгресс, который должен был объединить республиканские и радикальные элементы Западной Европы, Бакунин увидел в этом съезде благоприятный случай впервые выступить публично со своей настоящей программой, а также завязать в интересах своего тайного общества много новых связей. С этой целью он и некоторые из его товарищей отправились в сентябре 1867 г. в Женеву.

В женевском мирном конгрессе (9–12 сентября 1867 г.) принимали участие не только известнейшие французские и немецкие деятели 48-го года, новое республиканское поколение Франции (за исключением бланкистов), остаток немецкой демократии, Гарибальди и многие демократы других национальностей, но также 26 из 64 делегатов лозаннского конгресса Интернационала, французские, бельгийские, швейцарские секции, члены Генерального Совета и т. д.; из принципиальных соображений держали себя в отдалении Мадзини, Герцен и часть поляков. Бакунин приготовил рукописный текст подробной речи; но в действительности он произнес 10 сентября речь, не справляясь с рукописью, и небрежно отредактированное изложение этой речи имеется в «Анналах» конгресса. Свои принципы он резюмировал в тосте, произнесенном на прощальном банкете, в следующих словах: *федерализм, социализм, антитеологизм*. Это были предтечи более ясных слов: *анархия, коллективизм, атеизм*, легших в основу программы свободнического течения Интернационала. Он стал членом постоянного Центрального Комитета ново-основанной Лиги Мира и Свободы, который должен был заседать в Берне. Он и его более интимные друзья, Жуковский, Мрочковский, Наке и др., прилагали все усилия к тому, чтобы упомянутые основные положения, представленные ими Комитету в детально обработанном виде, были им приняты; но это было безнадежным предприятием. Все это привело лишь к тому, что началось печатание этого сочинения, под заглавием «Революционный вопрос, Федерализм, Социализм и Антитеологизм», но печатание было приостановлено после выпуска нескольких листов. (Сочинение это было издано лишь в 1895 г. в Париже).

В 1867–68 гг. Интернационал переживал период сильного под'ема, Лига же влачила жалкое существование. Буржуазные члены Лиги удовлетворялись вполне спокойствием мирной жизни и разговорами, обычными на конгрессах всех подобных мирных организаций. Бакунин же стремился объединить серьезные элементы демократического движения с Интернационалом и действительно добился того, что принятая 1 июня 1868 г. центральным комитетом программа членов Бернского конгресса включала его идеи, хотя и в весьма ослабленном виде. Кроме того комитет в секретном циркуляре вполне признал значение рабочего движения и высказывал пожелание, чтобы Лига «стала политическим выразителем великих экономических и социальных интересов и принципов, столь победоносно развиваемых и распространяемых теперь великой международной ассоциацией рабочих Европы и Америки». Интернационал, как чисто экономическая организация, базирующаяся на солидарно-

сти всех рабочих и естественно не имеющая никакой более узкой сектантской программы, и рядом с ним эта Лига (как впоследствии Альянс, в качестве боевой и пропагандистской организации с революционной программой Бакунина – это была по всей вероятности тогдашняя цель его, которая и была впоследствии осуществлена в другой форме. Очевидно, однако, что деятельность Бакунина в Комитете, до бернского конгресса Лиги (сентябрь 1868 г.) имела известный успех, так как его тактика была предложена Лиге конгрессом.

Но брюссельский конгресс Интернационала вотировал резкую резолюцию, которая отрицала за Лигой право на отдельное существование и приглашала ее вступить в Интернационал. Бакунин, сразу узнавший в этой резолюции руку Маркса, в письме к президенту комитета Лиги подчеркнул необходимость для Лиги стать немедленно на чисто социалистическую точку зрения и не дать себя застрадать этим нетерпимым к ней отношением. С этой целью он потребовал от бернского конгресса Лиги признания социального вопроса главным вопросом, признания экономического, а не только политического равенства (23 сентября). Но его предложение было отклонено, и это привело к выходу Бакунина и его товарищей (18 членов конгресса) из Лиги после прочтения написанного Бакуниным протеста (25 сентября), подписанного между прочими Элизе Реклю, Жуковским, Мрочковским, Аристидом Рей, В. Жакляром, Альбером Ришаром, Фанелли и др. Выступившие образовали «Интернациональный альянс социалистической демократии».

Бакунин провел этот год в трех местах под Вевей и Клараном и много раз ездил в Берн. Весной 1868 г. он дал в письме, помещенном в парижской «Democratie» наиболее полное к тому времени изложение своих идей (если не считать его итальянских сочинений. Речи, произнесенные им на Бернском конгрессе, в особенности его речи против религии (24 сентября), свидетельствуют о том, что его мировоззрение достигло высшей точки своего развития. В Берне он также говорил о национальном вопросе и о России (25 сентября).

«Братство» усилилось в 1867 г. в Женеве, главным образом благодаря вступлению в его ряды членов французов и Николая Жуковского. Последний стал в течение этого года как бы секретарем Бакунина и работал очень энергично, поддерживая своего учителя в его решении рассчитывать только на рабочих (а также и на молодежь).

После выхода из Лиги Бакунин предложил собравшимся на совещание в Берне членам Братства вступить по одиночке в Интернационал, сохраняя втайне связь между собою. Но перевес взяло мнение французов и итальянцев, указывавших, что помимо тайной связи должна существовать соответствующая открытая организация, и таким образом был основан «Интернациональный Альянс социалистической демократии», который должен был в качестве отдельного целого вступить в Международную Ассоциацию рабочих, но притом наряду с программой Интернационала иметь свою собственную атеистическую анархистско–революционную программу и собственную ин-

тернациональную организацию (центральное бюро в Женеве).

Бакунин вместе с некоторыми из своих друзей уехал в Гассе Дюпра (под Клараном), откуда Фанелли, Элизе Реклю и Рей отправились в поездку по Испании. Остальные вместе с Бакуниным поехали в Женеву, где они вступили в центральную секцию Интернационала и устроили ряд совещаний о своей тайной организации. Вскоре, 28 октября 1868 г., образовалась женевская секция открытого Альянса в составе 85 человек, из которых многие впрочем вышли из этой организации.

Представляется невозможным без длинных раз'яснений даже отчасти резюмировать имеющийся обширный материал обо всем происходившем в интимном кругу, в Братстве, и изложить его в кратких чертах, так, чтобы не породить новых недоразумений. Благодаря личным раздорам возникшая против воли Бакунина, как он это сам констатировал в 1873 г., задача – установить соответствие между деятельностью Интернационала и братства, открытого и тайного Альянса – была осложнена и практически оказалась совершенно невыполнимой. Только весной 1859 г. дело окончилось тем, что Братство было распущено, а также был распущен и непризнанный Генеральным Советом открытый Альянс. Тогда близкие друзья Бакунина стали членами Интернационала и вместе с тем сохранили частую связь между собою, как между союзниками; так что получилось то положение вещей, к которому Бакунин стремился в Берне. Все остальное было лишь проектом и осталось исключительно на бумаге.

Одно во всяком случае можно установить с точностью: то, что Маркс выдает в своей брошюре об Альянсе (1873 г.) за статуты, хронологически неотделимо от определенных рукописей, самим Бакуниным названных *проектами*, – а эти проекты написаны были до известных совещаний в Женеве и Шапонейре, состоявшихся в январе 1869 г. и приведших к уходу некоторых от Бакунина, который, впрочем и сам их ценил невысоко. Таким образом Маркс выдал эти, неизвестно путем какого вероломства попавшие к нему, *проекты за статуты*, поступок настолько же некритический, предательский и смехотворный, как если бы кто-либо вытащил из корзин для старой бумаги какого нибудь конгресса никогда не принятые или даже не обсуждавшиеся всякого рода предложения и выдал их за резолюции конгресса только потому, что они начинаются с фразы: «Конгресс решает...»!!!

То, что Бакунин думал о столь многократно извращавшихся взаимоотношениях между Интернационалом и Альянсом (тайным), он самым детальным образом изложил в целом ряде писем, отправленных им по всем направлениям, напр., в письме к Альберу Ришару от 7 февраля 1870 г. («Revue de Paris», 1 сентября 1896 г., стр. 126–7), в письмах, приводимых в Биографии, в письмах в Испанию (к Пауло, от 21 мая 1872 г.; к братьям del'A. 1872 г.) и др.

Международная Ассоциация Рабочих должна была, по его мнению, стать выражением экономической солидарности всех рабочих и захватить в свои ряды миллионы пролетариев. Если бы эта организация выставила официальную,

политическую и социалистическую программу, то она сразу опустилась бы до положения секты, из нескольких тысяч человек. Этого никогда не должно случиться. Но для того, чтобы привить этим массам революционное направление, внутри Интернационала должна образоваться организация, сознательно революционная по своей программе и тактике, существование которой, должно оставаться в тайне. Это и есть Альянс. Только таким путем можно добиться того, чтобы несознательные массы, лишь благодаря Интернационалу познающие солидарность своих интересов, могли действовать в качестве революционной силы. Вместе с тем тайный характер организации дает возможность противодействовать тщеславию, авторитарности и стремлениям к диктатуре.

С октября 1868 г. Бакунин жил в Женеве и в промежутке времени до базельского конгресса (сентябрь 1869 г.) вел пропаганду в пользу Интернационала в романской Швейцарии. Из написанного им в течение этого периода упоминаю: составленное им женевское обращение к испанским рабочим (21 октября 1868 г.); его речь на народном собрании от 23 ноября 1868 г.; отредактированный им и в главной части принятый проект статута конституированной 3 января 1869 г. в Женеве романской федерации Интернационала; главным образом им редактировавшееся до осени 1869 г. периодическое издание «Egalité», в которой им помещены кроме небольших статей и заметок несколько серий статей: «Les Endormeurs», «L'Instruction intégrale», «La Montagne», «Le jugement de M. Coullery», «Politique de l'Internationale», «De la Coopération», в которых он выяснял сущность псевдосоциалистических направлений; подготовку докладов базельскому конгрессу (его доклад *о наследственном праве*) и т. д.

Помимо этого он постоянно присутствовал на собраниях и комитетских заседаниях женевской секции Альянса, и сохранившиеся, частью цитированные в Биографии, протоколы заседаний дают нам возможность наблюдать детально за всей его пропагандистской и организаторской мелкой работой; он также составил проект статута секции. И, наконец, он открыл широкое поле для своей агитации благодаря нескольким своим поездкам в Юру, где он нашел наиболее убежденных и постоянных последователей. В феврале, а затем опять в конце мая 1869 г. он ездил в Юру и написал тогда ряд статей в «Progrès», выходившем в Локле, которые должны были, очевидно, дать изложение всей его системы, но были прерваны посередине.

Базельский конгресс является высшим пунктом развития Интернационала, как общей организации. Свободнические течения, руководимые в Швейцарии и Южной Европе Бакуниным, во Франции Варленом и его товарищами, в Бельгии де Папом и др. взяли перевес на этом конгрессе и оттеснили на задний план авторитарные идеи Маркса. В сознании успешного развития левого крыла сторонники Бакунина легкомысленно предоставили Генеральному Совету более широкие полномочия, причем Бакунин выступил в защиту этого предложения. Это было грубой ошибкой, что и выяснилось вскоре, так как

Маркс использовал столь печальным образом предоставленную ему власть. В дискуссиях о наследственном праве и земельной собственности Бакунин принимал деятельное участие.

Вскоре, после этого, приблизительно 30 октября 1869 г., он оставил Женеву и уехал через Лугано в Локарно, (2 ноября), произведший на него сразу самое приятное впечатление. Письмо его к Огареву от 23 ноября дает представление о размерах его переписки в то время: он переписывался с 44 лицами, причем к 19-ти из них он писал, по крайней мере, раз, а иногда два-три раза в неделю, и не менее двух раз в месяц, к остальным не менее одного раза в два месяца. Тогда же он начал с большой неохотой для заработка, переводить на русский язык «Капитал» Маркса, который он называл «экономической метафизикой». В первой половине 1870 г. он ездил неоднократно в Женеву, специально по поводу русских дел. В период от 12 марта до 11 апреля он пробыл в Женеве и воспользовался этим, для того, чтобы повлиять на тактику юрцев, принятую ими после конгресса в Шо-де-Фоне. Он вообще старался использовать эти свои поездки, чтобы устраивать собеседования со своими друзьями, преимущественно в Невшателе. Во второй половине апреля он ездил в Милан, в мае, а также и в конце июня опять в Женеву. Но положение в Женеве было столь напряженным, и русские дела настолько захватывали, что он не принимал участия в открытой пропаганде, посещая только заседания секции Альянса.

Наряду с этой агитационной деятельностью в Женеве и на Юре, он развивал деятельность также и в некоторых других направлениях. Из этой его деятельности я могу только вскользь указать на его связи с Лионом (Альбер Ришар) и Марселем (Андре Бастелина), а также и с Парижем, не столько с Маленом, на которого он не слишком полагался, как с Варленом, Полем Робэном, Элизо Реклю и др. Письмо его к лионскому собранию от 13 марта 1870 г. резюмирует его идеи о тактике революции во Франции. Следует сказать, что бельгийцы никогда не были его сторонниками в полном смысле этого слова, несмотря на дружественные отношения существовавшие между ним и бельгийскими членами Интернационала, и на то обстоятельство, что бельгийцы в то время все без исключения принадлежали к свободническому течению. В тактике Бакунина, им не нравилась подготовка революционного движения посредством тайной организации. В Италии с начала 1869 г. вел агитационную деятельность неапольский бакунинский кружок, но к концу 1871 г. эта агитация не дала особенно заметных результатов. Но зато в Испании процветал Интернационал, вызванный к жизни поездкой Фанелли, а вместе с тем быстро возник и испанский Альянс, сначала в Барселоне и Мадриде, а затем, в июне 1870 г., конституировавшийся в испанскую федерацию.

Я опускаю более мелкие эпизоды, вроде поездки болгарских революционеров к Бакунину в Женеву (1869 г.) и их совещания с ним. В кратких словах невозможно изложить его отношения к Нечаеву (1869–70 г. г.). Прежде всего следует забыть все написанное об этом на основании сведений, полученных из вто-

рых рук или посредством злонамеренного использования источников (как, напр., марксовская брошюра об Альянсе). В действительности дело сводилось к следующему. В начале 1869 г. в России существовало студенческое движение с агитационным комитетом во главе, к которому Нечаев стоял очень близко. Несомненно, что Нечаев дал Бакунину преувеличенные сведения об этом комитете и, заметивши сильное впечатление, произведенное его личностью и столь долгожданностями известиями о существовании действительной организации в России на охваченного энтузиазмом Бакунина, он впоследствии постепенно стал мистификатором, искренно стремясь при этом действовать на пользу революции и вместе с тем оставаясь по существу бланкистом–террористом, чуждым более благородных свободных воззрений. Нечаев в течение долгого времени оказывал влияние на Бакунина и слабого Огарева и таким образом очень сильно их компрометировал и эксплуатировал, пока, наконец, долготерпение Бакунина не лопнуло, и он не понял, что Нечаев видел в нем не товарища, а лишь орудие для осуществления своих планов.

В течение этого агитационного периода Бакунин написал: «*Несколько слов молодым братьям в России*» (1869 г.); «*Наука и современное революционное дело*», (брошюра, 1869 г.) «*К офицерам русской армии*» (январь 1870 г.); «*Русский отдел интернационального Альянса социальной демократии – к русской молодежи*», (февраль 1870 г.) Первые три сочинения подписаны именем Бакунина, последнее не подписано но несомненно принадлежит ему. Наоборот, тщательное изучение оригинальных текстов всех других русских изданий, на которое ссылается брошюра Маркса об Альянсе, заставляет меня считать их произведениями Нечаева, который в лучшем случае мог вставить в них некоторые идеи Бакунина, как, напр., несколько соответствующих идеям Бакунина мест о разбойнических движениях в России. На первый же взгляд видно, что большинство этих прокламаций и других изданий не могут принадлежать перу Бакунина, и прежде всего прокламация о русском дворянстве, которую Маркс так злобно использовал в брошюре об Альянсе.

В течение этого времени Бакунин написал также несколько вещей на французском языке о русских делах: о смерти Герцена (в «*Marseillaise*»), «*Письма о революционном движении в России*», адресованные Либкнехту в «*Volkstaat*», апрель 1870 г.); «*La Police suisse*» (о преследовании Нечаева, в «*Progrès*», Локль, 19 февраля 1870 г.); легко и популярно написанная брошюра о ценности права убежища в Швейцарии: «*les Ours de Berne et l'Ours de St. – Pétersbourg*» (Невшатель, 1870 г.) и т. д. Бакунин задался планом об издании в Женеве большого русского журнала, программу которого он развивает в письме к Лаврову от 15 июля 1870 г. Это происходило по всей вероятности *после* разрыва с Нечаевым, и во всяком случае в то время, когда продолжение сношений с ним стало уже невозможным. Поэтому Бакунин хотел вместе с Огаревым продолжать русскую пропаганду без Нечаева, чему больше всего воспрепятствовало событие, направившее все его планы в другую сторону – немецко–французская война.

С этого момента Бакунин поставил своей задачей уже больше не *пропаганду* и не *полемику*, а *действие*.

В течение периода 1868–70 г., когда Бакунин занимался пропагандистской деятельностью, старые и новые клеветники и враги его продолжали ставить ему препятствия на каждом шагу. Марксовская интрига росла и разбухала и нашла себе усердных помощников в женевских политиках, в грязных карьеристах а la Утин в гиенах журнализма вроде Боркгейма и т. д. Можно заметить некоторое различие между официальной кампанией авторитетных крючкотворов Генерального Совета и женевских организаций и официозной кампанией которую вели посредством лжи и клеветы марксовские лейб-журналисты.

Генеральный Совет отказался 22 декабря 1868г. принять интернациональный Альянс в состав Международного Общества Рабочих, что было правильно с формальной точки зрения. Тогда Альянс распустил себя, его секции также себя распустили или вступили в Интернационал в качестве его секции; так поступила женевская секция Альянса, принятая Генеральным Советом, в качестве секции. (Письмо Эккариуса от 28 июля 1869г.). Женевский центральный комитет отказался, однако, принять женевскую секцию Альянса (август), и то же самое решение по этому поводу, вынес и Романский Федеральный Комитет (сентябрь). Когда же большинство романского конгресса, состоявшегося в Шо-де-Фоне в апреле 1870г., приняло секцию Альянса, то женевское меньшинство оставило конгресс. С тех пор начался раскол между свободной *Романской Федерацией*, которая стала с ноября 1871 г., называться *Юрской Федерацией*, наиболее выдающейся по своей революционности из всех швейцарских организаций, с одной стороны и Романской Федерацией женевских политиканов, с другой. Последние отомстили тем, что исключили 13 августа 1870 г. Бакунина, Жуковского и Перрона из женевской центральной секции, не смотря на требование Бакунина о представлении формулированного обвинения и о суде чести. «Egalité» также была в январе 1870 г. посредством интриги вырвана из рук ее тогдашней редакции и передана пресловутому Н. Утину, сделавшему ее орудием в руках женевских политиканов.

Генеральный Совет вел борьбу против Бакунина за его спиной. Он выпустил против Бакунина циркуляр 16-го января 1870 г. и так называемое «конфиденциальное сообщение» (25 марта 1870 г.). В то же время Утин собирал для Маркса материал об Альянсе. Каким образом собирался этот материал осталось неизвестным; ценность же этого материала мы показали выше.

Сверх всего этого Бакунин был оклеветан в позорных статьях, написанных Боркгеймом и появившихся в берлинской «Zukunft» и в либкнехтовском «Demokratisches Wochenblatt» (1869 г.). Бакунину было также известно, что А. Бебель в своем письме к И. Ф. Беккеру писал про него, что он по всей вероятности русский агент и сотрудник «прусского агента» фон Швейцера. (Письмо Бакунина к Беккеру от 4 августа 1869 г.). Суд чести Базельского конгресса признал, что Либкнехт, напечатавши эту ложь, действовал с предосудительным

легкомыслием. Этот урок возымел свое действие ровно на 6 месяцев, в течение которых «Volksstaat» напечатал даже воззвание Бакунина к русской молодежи. С 16 марта 1870 г. Боркгейму опять была предоставлена полная свобода, и он начал в целом ряде заметок клеветать самым отвратительным образом на Бакунина, Герцена, Нечаева и т. д. Другую массу лжи напечатал Мориц Гесс в парижском «Réveil» от 2 октября 1869 г. На конгрессе в Шо-де-Фоне (апрель 1870 г.) выступил с целым рядом клеветнических обвинений Утин вместе с некоторыми женеvцами. О том, что писали эти люди по данному поводу в своих письмах друг к другу, дают представление выдержки из писем Маркса, его жены и т. д. к криводушному И. Ф. Беккеру, напечатанных когда-то Р. Рюэггом в «Neue Zeit».

Бакунин горел желанием ответить этой милой компании раз навсегда и этим расчистить себе почву для теоретической борьбы с Марксом. Рукопись его письма в «Réveil», переписка с Герценом и другие касающиеся этого места в письмах к разным лицам показывают, как часто он хотел свести публично счеты со своими врагами; всеvтаки он постоянно сдерживал себя и молчал, так как он некоторым образом стыдился за Маркса, т. е. он настолько высоко ценил его полезность для движения, что не мог себе разрешить, публично обнаружить его дурной характер и тем, быть может, совершенно устранить его из движения. Таким образом борьба со стороны Маркса велась посредством употребления или злоупотребления предоставленной ему официальной власти и при более чем терпимом его отношении к самым гнусным поступкам своих сторонников и друзей. Он избегал всякой теоретической дискуссии по основным вопросам, как, напр., вопрос о свободе об авторитете, о революции, политике и т. д., и поэтому интернациональные конгрессы, публичность которых ему совершенно не была по вкусу, или совсем не созывались, как это было в 1870 г. и 1871 г., или же превращались, как в 1872 г. в карикатуру конгресса. Так подготавливал Маркс свою формальную победу, в то время, как фактически победило, как мы увидим, левое крыло Интернационала.

Взрыв немецко-французской войны заставил Бакунина приступить к практическому действию. Он предвидел, что за этой войною должен последовать долгий период торжествующего милитаризма, что власть государства возрастет до чудовищных размеров и что таким образом установится та железная неподвижность закоснелой реакции, которую мы до сих пор видим вокруг себя^{1*}. Всем возможностям, которые носили в себе 60-ые годы, всем надеждам на новый 93-ий или 48-ой год, на этой раз социалистический, который должен был наступить после падения императорского режима во Франции, угрожала верная смерть. Единственно возможным путем спасения Бакунин считал народные восстания, во время войны, имеющие своей целью социализм

¹ Прим. переводчика: Брошюра эта написана в 1901 году.

и разрушение государства. Вместо того, чтобы, подобно руководителям всех рабочих партий, попусту потратить первые решающие недели на провозглашение мирных манифестов, а затем умыть свои руки, Бакунин пытался вызвать движение, по крайней мере, в южной Франции, Италии и Испании. Вначале он был лишен возможности действовать иначе, как посредством всестороннего настойчивого проповедывания этой идеи. Так, он в письме к Огареву от 11 августа сообщает, что за последние три дня он написал 23 длинных письма. В течение следующих недель он мог уже лично встречаться со своими итальянскими друзьями и вместе с тем написал во Францию изложение своих идей о современном положении в ряде писем, из которых часть была немедленно напечатана в сокращенном виде, в форме брошюры, под названием «*Lettre à un Français sur la crise actuelle*» (сентябрь 1870 г.). Вскоре затем важнейшим пунктом для революционного действия оказался Лион. 4-ое сентября открыло возможность отправиться во Францию и подготовить там же на месте революционное выступление, хотя, конечно, при неблагоприятных обстоятельствах. Бакунин, предварительно поведши между лионцами настойчивую пропаганду необходимости самого быстрого выступления, предоставил затем себя самого в их распоряжение. Предложение это было принято, и во второй трети сентября он выехал из Локарно в Лион через Берн, Невшатель и Женеву. Подготовка продолжалась несколько дней, и все это время он, несмотря на все разочарования, проявлял лихорадочную деятельность возбуждая во всех энергию и объединяя все имевшиеся на лицо силы. Затем наступило 28-ое сентября, день выступления, когда влияние перешло временно в руки группы Бакунина, но день этот закончился чем то худшим, чем кровавое поражение, а именно – чем то вроде мирного отступления и соглашения, которое означало, конечно, торжество господствующей партии. Тактика последней состояла в том, чтобы в решительный момент как бы исчезнуть с горизонта, и когда революционеры не встретили временно никакого сопротивления, они потеряли свою энергию и были затем легко застигнуты врасплох. Бакунин сам очутился в опасном положении. В течение нескольких часов он находился в заключении; там его ограбили и вообще обращались с ним грубо, пока его не освободили товарищи. Его выставили в глазах публики козлом отпущения, и ему пришлось скрыться. 29 сентября он оставил Лион и до конца октября он жил нелегально в Марсели, где сочувствовавшие движению партии еще не были разбиты и действительно выступили в ноябре. Оттуда еще он продолжал вести настойчивую пропаганду необходимости дальнейших выступлений в своих письмах в Лион, в которых он писал о своих целях и о требованиях момента, сообщая, между прочим, о своей готовности вернуться туда. На этих же вопросах он останавливается в рукописях (о которых я скажу позже), а также и в наброске одного письма (от 20 октября), относительно которого неизвестно, было ли оно отправлено по адресу. Он уехал из Марселя на отходившем в Геную судне и оттуда возвратился обратно в Локарно, в котором оставался безвыездно до середины марта

1871 года.

Печальный опыт привел Бакунина к глубокому убеждению относительно неспособности и разложения буржуазии, независимо от того, выступает ли она под монархическим, республиканским или псевдо-социалистическим знаменем и укрепил в нем уверенность в необходимости социальной революции. Но вместе с тем он получил впечатления, против которых он боролся и которые впродолжение ряда лет не проявлялись в его действиях и словесных выступлениях: его вера в дремлющие в пролетариате революционные инстинкты и страсти, нуждающиеся для своего пробуждения лишь в примере и инициативе нескольких убежденных революционеров – эта вера впервые была в нем потрясена.

Когда неудача во Франции сделала невозможной для него активную работу а пропагандистской деятельности помешало печальное положение дел в Швейцарии – интриги в Женеве и глубокий кризис, вызванный войной на Юре, – Бакунин бросился на новое поле деятельности; он взялся за *теоретическое* изложение своих идей, которым он был занят впродолжение целой зимы в Локкарно. План этот закончился тем, что вместо теоретического сочинения он стал сначала писать политическую брошюру на современные темы. После изложения положения вещей во Франции и, как раз не беспристрастного обзора развития немцев – эта часть одна только была тогда опубликована под названием «*L'Empire knouto-germanique et la Révolution sociale*» (май 1871 г.) – он перешел к краткому очерку «*Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов*», за которым последовали блестящие очерки, известные всем под названием «*Dieu et l'Etat*» (издано в 1882 г.); за ними последовали дальнейшие очерки подобного же рода, важнейшая часть которых впервые была напечатана в 1894 г. и 1895 г. Множество заброшенных рукописей и вариантов показывает, как тщательно Бакунин работал над этим сочинением, которое также, как и его предтеча, Антитеологизм (1867–68 гг.), осталось ненапечатанным. После Коммуны он мог подумать об издании дальнейшей тетради, для которой он написал «введение», в незаконченном виде напечатанное в 1871 г. под названием «*La Commune de Paris et la notion de l'Etat*» («Парижская коммуна и понятие о государстве»). Но и эта тетрадь не была напечатана. С другой стороны, тщательная обработка своих мыслей о происхождении религии и государства как раз тогда дала ему возможность особенно блестяще подготовиться к выступлению против Мадзини, напавшего на социализм и Парижскую Коммуну (его письмо в брюссельскую «*Liberte*», август 1871 г., перевод которого на итальянский язык появился в свет в Милане и послужил началом успешной пропаганды в Италии).

Первое впечатление, произведенное Парижской Коммуной на Бакунина, осталось нам неизвестным. В то время он, быть может, как раз находился на пути во Флоренцию. Во всяком случае и у него был краткий период оптимизма,

во время которого он поощрял возникавшие тогда в особенности на Юре планы по оказанию помощи Коммуне. Уже 9 апреля он писал к Огареву: «меня самого была лихорадка, но теперь я остыл. Я слишком ясно вижу, что дело проиграно». Он предвидел расколы внутри Коммуны и безучастное отношение провинции. Он желал хотя бы того, чтобы парижане погибли героически и поставили весь мир перед новым огромным фактом, который пережил бы временную победу милитаризма. И, таким образом, когда он в начале второй половины апреля ездил из Локарно в Сонвилье на Юре и оттуда спустя приблизительно три недели в Локль, где он пробыл около недели, то он имел, между прочим, в виду быть поближе к центру в случае благоприятного поворота событий, но вместе с тем он хотел, как это можно заключить из его письма от 9 апреля, предостеречь от выступлений с недостаточными средствами, которые заранее были осуждены на неудачу.

Он прочел тогда несколько докладов в центральной секции округа Куртелари (май 1871 г.), которые были напечатаны с записи в 1895 г.; они представили собой популярное резюме его идей. В первой половине июля он в печальном настроении вернулся в Локарно, после того, как он и его юрские друзья сделали все, что было в силах, для спасения беглецов Коммуны.

В то время, когда Бакунин вскоре бросился со всей своей энергией в итальянскую пропаганду, столь счастливо начатую полемикой с Мадзини, Маркс был занят подготовкой так называемой Лондонской Конференции (сентябрь 1871 г.), посредством которой он хотел обойти общий конгресс Интернационала, не обещавший ему ничего хорошего.

Согласно известиям, полученным из Лондона, женевские политиканы оспаривали факт принятия секций Альянса в Интернационал, и когда затем из Лондона был затребован по этому вопросу ясный ответ – да или нет, – то Маркс и его агенты затянули дело на целые месяцы. Понадобилась бурная сцена, описанная Полем Робэном, для того, чтобы заставить Маркса сознаться, что правда в этом случае была на стороне Альянса, о чем было заявлено в письме Г. Юнга к секции Альянса от 25 июля 1871 г. После этого эта секция добровольно себя распустила, для того, чтобы, как она заявила, не служить более яблоком раздора. Ближайшей причиной было стремление не втягивать в спор французских эмигрантов, сочувствовавших принципам секции. С Бакуниным при этом не посоветовались; он протестовал против роспуска, который он рассматривал как унижение, и стал побуждать своих товарищей к составлению мемуара, обсуждавшемуся в 1870 г., относительно спорных вопросов в романской Швейцарии, к посылке делегата на Лондонскую конференцию и к передаче всего спора на третейский суд бельгийского федерального совета. Из всего этого ничего не вышло, только идея «Мемуара» не была оставлена. В конце концов она была осуществлена, и весной 1873 г. появился в свет «Мемуар Юрской Федерации».

Недостаток места не позволяет изложить здесь, как развивался Генеральный Совет Интернационала, состоявший с 1864 г. все из тех же самых лиц, пополнявшийся посредством кооптации и ставший покорным орудием в руках Маркса. Немцы беспрекословно повиновались Марксу, англичане предоставили ему всецело все континентальные социалистические дела, к которым они были совершенно равнодушны, из французов же он, опираясь на такое верное большинство, терпел только тех, кто согласен был действовать вполне по его указке, т. е. людей шестого или седьмого ранга, вроде Серралье или своих родственников (Лонге и Лафарг). После Коммуны появились в Лондоне французские эмигранты, но люди, сочувствовавшие левому крылу, попали в Генеральном Совете в невыносимое положение, а Маркс сблизился, с 1871 г. вплоть до Гаагского конгресса, как раз со старыми врагами Интернационала – бланкистами. Положение стало невыносимым даже для старых друзей Маркса, как, напр., для Германа Юнга, секретаря для Швейцарии, когда за спиной Маркса стал выступать Энгельс, который приехал в Лондон из Манчестера в 1870 г. и действовал в качестве подстрекателя и «натравителя», превзойдя Маркса в злобности и интриганском искусстве.

Генеральный Совет нашел следующее средство для того, чтобы избежать открытой дискуссии. По его решению конгресс 1871 г. не был созван, и вместо него состоялась частная конференция (17–23 сентября 1871 г.) из 23 человек, из которых 14 были члены Генерального Совета. На этой конференции были приняты резолюции по всем спорным вопросам, желательные Генеральному Совету, окончательное редактирование которых он принял на себя; в этих резолюциях сделан был также шаг вперед по пути навязывания Интернационалу «политического действия», т. е. сектантской программы.

Этот скандальный поступок привел, наконец к открытому протесту левого крыла, побуждаемого вновь конституированной в Женеве «Section de propagande et d'action révolutionnaire socialiste», в состав которой входили французские эмигранты, а также прежние члены секции Альянса и между прочими – Жуковский. Жуковский в конце октября ездил в Юру, и после ряда совещаний дело было передано на рассмотрение конгресса Романской федерации, состоявшегося 12 ноября 1871 г. в Сонвилье (Юра). Этот конгресс решил распустить Романскую федерацию и основать *Юрскую федерацию*, издать предположенный впервые еще в секции Альянса 8 июня 1870 г. *Мемуар* и разослать циркуляр ко всем федерациям Интернационала, известный и популярный документ, явившийся достойным ответом на произвольные действия Генерального Совета. Он встретил сочувственный прием в французских секциях, в Бельгии, Италии, Испании. Только предложение о немедленном созыве конгресса было заменено постановленной на Рождестве 1871 г. бельгийским Интернационалом выработкой проекта новых статуты для Интернационала.

Бакунин, согласно его собственному заявлению, не имел ни прямого ни косвенного отношения к составлению этого циркуляра. Здесь так же, как и в вопро-

се о роспуске секции Альянса женева, и в особенности Жуковский, близкие отношения которого с Бакуниным прекратились, действовали самостоятельно и в этом случае поступили даже несколько невежливо по отношению к Бакунину. Он приветствовал появление циркуляра самым горячим образом и стал очень усердно распространять и комментировать его, в особенности в Италии, о чем свидетельствует множество имеющихся на лицо рукописей и писем. Распространял он этот циркуляр и в Испании, с которой у него возникли некоторые разногласия, вскоре впрочем устранившиеся и интересующие нас теперь лишь постольку, поскольку они служат доказательством независимости всех этих групп друг от друга, что разбивает сказку о бакунинской диктатуре, распространявшуюся марксистами, которые, впрочем, иначе и не могли себе представить положение дела.

Бакунин остался также доволен бельгийскими резолюциями, принятыми на Рождестве 1871 г.

Он постоянно имел в виду действительное движение и возможности революционных выступлений и ожидал их в 1872 г., прежде всего в Испании. Чтобы справиться с серьезностью положения и предстоявшими первыми ударами реакции он настойчиво советовал итальянцам образовать в возникающих в большом числе открытых секциях тайные группы из самых решительных элементов; об этом он пишет, например, в одном письме, в марте или апреле 1872 г. (вскоре после смерти Мадзини). Относительно себя лично он желал только одного – остаться незамеченным, и поэтому, когда постоянно распространявшаяся на его счет клевета стала, после назначения Энгельса секретарем Генерального Совета для Италии и Испании, распространяться и в этих странах, он попытался прибегнуть к последнему средству примирения: написать частное письмо Генеральному Совету, и с этой целью он попытался посредством письма к А. Лоренцо в Барселону (май 1872 г.), достать точные сведения обо всем сказанном о нем на Лондонской конференции. Мы видим таким образом, что до последней минуты Бакунин подчинял свою личную обиду интересам дела и отказывался от личных преступлений.

Не так действовал Маркс, как раз в то время увидевший, что одна из составных частей его интриги, «конфиденциальное сообщение», разосланное в марте 1870 г., раскрыто благодаря лейпцигскому процессу о государственной измене (заседание 16 марта 1872 г.), и почувствовавший себя беспокойно благодаря решительному поведению бельгийцев, которых он считал до тех пор на своей стороне (так как он воздерживался от всякого вмешательства в их дела!). Поэтому он вместо прежней кампании, ведшейся посредством писем Энгельса, Сералье и др., перешел к способу открытых доносов. Открыл этот новый поход Лафарг, донесший в брюссельский «Liberté» от 5 мая 1872 г. о существовании тайной «Allianza» в Испании (письмо от 12 апреля). Месяц спустя появилась подписанная Генеральным Советом брюшюра «Les pretendues Scissions dans L'Internationale», в которой Бакунин и его друзья подвергаются самым гнусным

нападкам. В ответ на эту брошюру появился в «Бюллетене» Юрской федерации (15 июня 1872 г.) ряд писем, а также письмо Бакунина от 12 июня, в котором он заявляет, что ожидает регулирования личных разногласий от суда чести на ближайшем конгрессе; что же касается общественных вопросов, то он по этому поводу издаст брошюру еще до конгресса. Брошюра эта не появилась в свет, но имеется обширная рукопись «Aux compagnons de la Fédération des sections internationales du Jura», очевидно представляющая незаконченный набросок этого сочинения.

Бельгийский проект статуты, совершенно отменявший Генеральный Совет, был изменен бельгийским конгрессом (19 и 20 мая 1872 г.) в том смысле, что Генеральный Совет был сохранен, но члены его должны были впредь избираться самими федерациями, чем конгресс старался устранить авторитарные замашки Генерального Совета. Юрский конгресс (18 августа 1872 г.) дал делегатам федерации императивный мандат выступить на общем конгрессе с требованием отмены Генерального Совета, действовать солидарно с испанским, итальянским, французским и всеми остальными антиавторитарными делегатами и оставить конгресс, в случае, если какой-либо из этих делегатов не будет на него допущен; так же было наказано делегатам поступить, если конгресс не согласится на свободническую реорганизацию Международного Общества Рабочих. По поводу личных вопросов делегаты должны были рекомендовать полное забвение прошлого, на будущее время – суды чести и исключение клеветников. Ненапечатанный в «Бюллетене», но опубликованный в «Favilla» (Мантуя, 27 августа 1872 г.), пункт этого мандата решает в случае ухода с конгресса: выразить протест и устроить совещание антиавторитарных делегатов для назначения места нового конгресса. Эта тактика, направленная против вынесенного Генеральным Советом 18 июня решения о созыве конгресса в Гааге, была очевидно выработана в полном согласии с Бакуниным, а быть может, даже была непосредственно им предложена. Во всяком случае именно в этом направлении он и его друзья старались повлиять на своих итальянских и испанских сторонников.

Итальянский Интернационал, который уже раньше, несмотря на совет Бакунина, не хотел подчиняться формальностям, будучи действительно настроен революционно, по собственной инициативе, зашел дальше предложений и советов в духе этой тактики. На своей конференции в Римини итальянцы вынесли свою известную резолюцию (6 августа), в которой они заявляют о своем полном разрыве с Генеральным Советом и обращаются к антиавторитарным секциям с предложением не являться в Гаагу, а созвать на тот же день антиавторитарный конгресс в Невшателе. Марксисты старались изобразить дело так, будто это решение было инспирировано Бакуниным, и Энгельс усматривает в нем, «отступление по всей линии» (письмо от 21 августа 1872 г.). Но это совершенно неверно. Было ясно, что дело дойдет до ухода с Гаагского конгресса, и что в Швейцарии (Юра) будет созван антиавторитарный конгресс. Но со-

вершенно не присутствовать на Гаагском конгрессе – это сильно ослабило бы влияние вышеуказанной тактики. Сохранившиеся письма из Италии (август 1872 г.) также показывают, как неудобна была эта резолюция, и как искали средства не приводить ее в исполнение, не беря ее в то же время обратно. Юрцы и испанцы решили обязательно присутствовать на Гаагском конгрессе; итальянцы воздержались от этого и в начале сентября приехали в Швейцарию на антиавторитарный конгресс. Там Бакунин познакомился с некоторыми из них, которых он до сих пор не знал лично; в числе их был и Малатеста.

Таково было положение дел накануне Гаагского конгресса.

С июня 1871 г. Бакунин оставался в Локарно. Его материальное положение было в то время очень стесненное, а в августе 1872 г. он сверх того болел несколько недель. С весны 1872 г. его итальянские и русские связи умножались; в Цюрихе его посетили Кафиеро и группа русской молодежи. В конце августа он ездил в Невшатель, а затем опять в Цюрих.

Я пропускаю детали его пропагандистской деятельности на Юре. Главная часть его деятельности была направлена на Италию и Россию.

В самом начале знакомства Бакунина с Мадзини, происшедшем в Лондоне в 1862 г., обнаружилось самое острое противоречие между их взглядами на все политические, социалистические и религиозные вопросы: с одной стороны, унитаризм, псевдосоциализм и мечтания о боге Мадзини, с другой – федерализм, революционный социализм и атеизм Бакунина. Когда Мадзини выступил в «*Roma del Popolo*» против коммуны и Интернационала, в особенности в статье «к итальянским рабочим» (13 июня 1871 г.), Бакунин возразил ему в переведенном и выпущенном в качестве приложения к миланской «*Gazzettino Rosa*» «*Riposta*» («Ответе») (14 августа), оригинал которого появился в брюссельской «*Liberté*» (18 и 19 августа). Это одно из лучших его литературных произведений, в котором также соблюдена пропорция между отдельными частями, чего не хватает во многих его писаниях. Позже появилась «*Riposta all'Unita Italiana*» («*Gazz. R.*», 10–12 октября) и напечатанная в сентябре в Невшателе брошюра «*La Théologie politique de Mazzini et l'Internationale*». Мадзини, который впрочем вскоре заболел и умер в марте 1872 г., не делал никаких существенных возражений, но его последователи начали злобную, личную полемику против Бакунина, и ненависть между мадзинистами и интернационалистами привела в отдельных местах, в особенности в Романье, к политическим убийствам.

По желанию римского рабочего конгресса (1 ноября 1871 г.) Бакунин написал более обстоятельную брошюру «*Al miei amici d'Italia. . .*», первое издание которой пропало неизвестно куда; она была вторично напечатана под названием «*Il Socialismo e Mazzini*» (Анкона, 1885 г., а затем недавно – Имола, 1901 г.).

Большое число рукописных отрывков показывает, в каком виде Бакунин хотел выпустить дальнейшие части своего сочинения «*Théologie politique*» и внести туда постепенно все свои идеи в виде единого целого. Однако, он

прервал полемику, отчасти потому, что цель ее была достигнута. Интернационал в Италии достиг очень сильного развития, а мадзинисты показали себя настолько реакционными, что с ними считались только как с врагами социализма, но уже не как с соперниками его.

Мы располагаем обширным материалом об итальянской агитации Бакунина в течении лета 1871г. Наряду со старыми связями в Неаполе и Флоренции он завязал новые в Милане (из них следует отметить Виченцо Пецца; за ними последовали связи в Романье, Эмилии и т. д. из этих следует назвать Черетти в Мирандоле (через которого Бакунин иногда сносился с Гарибальди), Набруцци в Равенне и позднее Андреа Коста в Имоле и Болонье. Несколько раз закрытая организация в Неаполе вновь была восстановлена в 1871–72 г. г., и Кафиеро, со времени своего посещения в Локарно весной 1872г. а также несколько позже Э. Малатеста, стали самыми близкими товарищами и друзьями Бакунина. Последний считал существенной частью своей деятельности привлечение во всех местах нескольких интеллигентных и решительных рабочих, которых он знакомил во всех деталях со своей более тесной программой; эти уже, со своей стороны, объединяли рабочую массу в секции на почве экономической солидарности и вели в ней пропаганду, одновременно привлекая наиболее энергичных рабочих к бакунинским идеям. Эти «интимные друзья», как их называли, находились в постоянных сношениях с Бакуниным, и эти частые связи и были «Альянсом». Письма, адресованные в Романью, дают возможность наблюдать эту агитацию в деталях. Наиболее интересное из этих писем, адресованное Черетти (март или апрель 1872 г.), напечатано в «Société Nouvelle» (февраль 1896 г.); за ним следует длинное письмо от 23 января («al Rubicone . . .») и т. д. Для нас невозможно останавливаться на отдельных фактах, имевших место в Неаполе, Сицилии, Турине, Милане, Романье, Флоренции и т. д., а также и на постепенном слиянии секций, закончившемся на конференции в Римини (август 1872 г.). Таким образом образовалась итальянская федерация Интернационала, первым органом которого (октябрь 1872 г.) была «Rivoluzione sociale», печатавшаяся в Швейцарии (мною были найдены два номера этого издания).

Личные отношения между Бакуниным и Гарибальди были гораздо дружественнее, чем между ним и Мадзини, но Бакунин никогда не пропускал случая подвергнуть резкой критике недостатки точки зрения и тактики Гарибальди.

Следует еще упомянуть о том, что марксизм был в Италии неизвестной величиной и что итальянский Интернационал после того как он в течение некоторого времени имел дела с Энгельсом, как с секретарем Генерального Совета, возмущенный формализмом, господствовавшим в Интернационале, первый перестал обращать на него внимание и при этом, вскользь будет сказано – действовал совершенно противоположно тому, что настойчиво советовал Бакунин.

История *испанского* Интернационала в течение 1871–72 г. г. показывает нам

наряду с сильным развитием секций и профессиональных союзов, которые стояли все на точке зрения коллективистского анархизма, бессильную попытку Лафарга пересадить марксизм на почву Испании. Эта попытка выразилась главным образом в целой кампании интриг против «Алианза», а затем в публичном доносе Лафарга на эту организацию, за которым последовали неслыханные угрозы Энгельса (письмо от 24 июля 1872 г.). Это привело к роспуску предательски выданного Альянса. Мы не имеем подробных сведений о связи Бакунина с Испанией, – главным образом с Р. Фарга Пелисером, в течение некоторого времени с Г. Сентиплоном, с Т. Г. Мораго, с Алерини (из Марселя), затем с Винасом и др. – так как в нашем распоряжении нет писем, относящихся к ним. Однако некоторые обстоятельства, имевшие место в Барселоне в конце 1871 г., а также наброски или черновики писем в Испанию, написанные весной 1872 г., в которых Бакунин не советовал распускать Альянс, показывают, что его влияние в практических делах было незначительно, несмотря на то, что в принципиальных вопросах испанцы были с ним вполне солидарны. Идеи Альянса распространялись из Испании, судя по некоторым данным, также и в *Португалии*, и Бакунин, очевидно, писал и туда. Но португальский Интернационал вскоре исчез.

Русская пропаганда Бакунина была почти совершенно прервана с лета 1870 г. вплоть до весны 1872 г., так как дело Нечаева, о котором только лишь очень немногие имели точные сведения, вызвало бесконечные недоразумения. В течении этого периода почти один только А. Росс в Цюрихе оставался доверенным лицом Бакунина. Только весной 1872 г. несколько молодых русских студентов эмигрантов, учившихся в Цюрихе, посетили Бакунина в Локарно, познакомились с делом Нечаева, и быстро сошлись с Бакуниным, образовав вместе с ним группу, вокруг которой стали организовываться многие цюрихские студенты и студентки. Бакунин жил в Цюрихе с конца июня 1872 г. и своей личностью производил на молодежь сильное впечатление. Славянская Секция Интернационала объединяла русских, поляков и юго-славов на почве составленной Бакуниным программы; вторым центром движения стала русская библиотека в Цюрихе. Последняя попытка Бакунина повести агитацию среди поляков, в польском социалдемократическом обществе, осталась безуспешной. Для дальнейшего развития пропаганды необходимо было приступить к выпуску русских изданий. Попытки войти в соглашение с Лавровым, подготовлявшим издание журнала «Вперед», кончились неудачей, и между сторонниками Бакунина и Лаврова происходили острые трения.

В это время был арестован в Цюрихе Нечаев, живший с 1870 г. тайно в Лондоне, Париже, Цюрихе и др. городах. Арест его (14 августа 1872 г.) произошел вследствие предательства поляка Стемповского. 27 октября он в качестве якобы уголовного преступника был выдан цюрихским кантоном России. Швейцарское правительство меньше всего было озабочено тем, что после выдачи Нечаева он вместо того, чтобы быть сосланным в Сибирь, был заключен

в качестве политического преступника в петербургскую крепость, что лучше всего показывало лживость мотивировки, посредством которой русское правительство настаивало на его выдаче. Он умер в конце 1882 г., постоянно давая в течение этих десяти тюремных лет доказательство своей неукротимой энергии.

В октябре 1872 г. Бакунин возвратился в Лондон, и только еще один раз, весной 1873 г., он приезжал в Цюрих. В конце зимы 1872–73 г. бакунинским кружком в Цюрихе была основана русская типография, выпустившая главным образом три больших тома («*Издания социально–революционной партии* »): в конце августа 1873 г. появилось «*Историческое развитие Интернационала* », куда вошли избранные статьи из бельгийских и швейцарских журналов Интернационала вместе с главами, которые их связывали между собой, в том числе было также изложение возникновения «Альянса». В 1874 г. появилась «*Государственность и Анархия* » Бакунина, являвшаяся началом широко задуманного труда; затем «Анархия по Прудону» не принадлежащая перу Бакунина. В приложении к «Государственности и Анархии» резюмируются последние идеи Бакунина относительно пропаганды в России, там заявляется, что молодежь должна идти в народ, знаменитый лозунг, который многие в течение этих лет с большими жертвами проводили в жизнь. Молодежь в состоянии пробудить и объединить бесчисленные революционные силы, дремлющие в народе – так думал Бакунин. Чувствуется сходство между взаимоотношениями молодежи и народом, с одной стороны, и «Альянсом» и Интернационалом с другой, между «интимными друзьями» и несознательной, но исполненной революционных инстинктов массой. Эта идея проглядывает, во всем что было в то время написано Бакуниным.

Резкое личное расхождение между некоторыми из членов теснейшей группы Бакунина привело к расхождению между ними, причем Бакунин был на стороне А. Росса, между тем как отделившиеся Ралли, Эльсниц и Гольштейн предприняли собственное издательство. Они начали с издания брошюры «*К русским революционерам* » (сентябрь 1873 г.), в основу которой в действительности легла составленная Бакуниным программа тайной организации. Такой образ действий делал разрыв неизбежным.

После того, как печатание трех томов было закончено, типография закрылась. Цюрих после царского указа о возвращении в Россию русских студентов потерял свое значение в качестве русского центра, и здесь заканчивается русская пропаганда Бакунина в более широком смысле этого слова; с тех пор она ограничивается только воздействием на отдельных посещавших его русских.

В полной Биографии дано детальное изложение всего, что происходило на Гагском конгрессе (2–7 сентября 1872 г.), составленное по заметкам Жуковского. Только знакомство с этим изложением дает возможность понять вероломство руководителей снабженного американскими, французскими и немецкими

мандатами, «большинства» по отношению к «меньшинству», состоявшему из делегатов федераций Бельгии, Голландии, Испании и Юры. Я опускаю все другие пункты и напомним только о так называемой следственной комиссии по долу «Альянса», составившей полный противоречивый доклад и потребовавшей исключения Бакунина, Гильома и Швицгебеля из Интернационала, – Бакунина, не только из-за причин общественного характера, но еще якобы и из соображения, имеющего личный характер, причем в докладе были употреблены самые оскорбительные возражения по его адресу. Надо заметить, что следствие оставалось долгое время безрезультатным и сделало решительный поворот в сторону обвинения лишь после вмешательства Маркса. Что же касается личного обвинения Бакунина, то в основу его были положены действительные своевольные поступки Нечаева, но Бакунин был здесь непричем. Жившие в Женеве и Цюрихе русские эмигранты опубликовали протест против этого оскорбления Бакунина (4 октября 1872 г.), что вполне достаточно для его реабилитации, но сторонники Маркса никогда ничем не отозвались на этот протест. Конгресс действительно исключил из Интернационала Бакунина и Гильома 27 (25) против 6 (9) голосов при 7 (8) воздержавшихся!

Само собою разумеется, что после этого события меньшинство по достоинству оценило поведение лидеров большинства. 7-го сентября делегаты меньшинства сделали свое известное заявление, согласно которому представленные ими федерации сохраняют формальную связь с Генеральным Советом, перенесенным в Нью-Йорк, но вступают одновременно в прямую связь между собою; согласно этому заявлению, они должны были также встать на защиту всех федераций, которым угрожала опасность со стороны Генерального Совета. Можно сказать, что принятие этого решения означало освобождение одним ударом от власти Маркса в Интернационале. Маркс посредством долголетней интриги создал для себя авторитарный аппарат управления, который должен был руководить движением всех стран и принуждать к душеспасающему «политическому действию» (т. е. к выборам!). В момент, когда эта задача его казалась достигнутой, когда ему даже удалось стряхнуть своих ближайших союзников и в то же время врагов, бланкистов, посредством перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк, в руки своей креатуры Ф. А. Зорге, в тот момент, когда «политическое действие» (сектантская программа) стало обязательным – в момент величайшего триумфа, личной мести Бакунину и его друзьям – в этот самый момент здание лжи и обмана сразу рухнуло: те, кем он собирался управлять, действительно живые массы Интернационала, сразу все ушли от него. Если все свободническое направление обозначить как бакунинское, то результат был таков: *У Маркса остались статуи, Бакунин же имел Интернационал, – первый получил пустую скорлупу, второй все ядро*. Никто не мог бы сам себя вернее и решительнее выставить за дверь, чем это сделал Маркс посредством Гаагского конгресса.

Заявление меньшинства в главной своей части основывалось на изложенной

вкратце в императивном мандате Юрской федерации тактике, представлявшей в очень выдержанной форме точку зрения Бакунина. Дальнейшее проведение этой тактики произошло на конгрессе в Сан-Имье (Юра), 15 и 16 сентября, на котором делегаты итальянской, испанской, юрской и французской секций приняли ряд резолюций, большей частью составленных присутствовавшим на конгрессе Бакуниным. После обсуждения вопроса, следует ли порвать и формальные сношения с Генеральным Советом, который потерял уже моральное признание, или следует принять выжидательную точку зрения, формулированную в декларации меньшинства – было решено – по настоянию итальянцев – пойти на полный разрыв. Затем был принят «Договор дружбы, солидарности и взаимной защиты свободных федераций», в котором еще раз формулировалась тактика императивного мандата. Остальные резолюции имеют теоретический характер.

Бакунин начал писать в октябре 1872 г. общий ответ на нападки на него в форме длинного письма в брюссельскую «Liberté» (впервые напечатано в «Société Nouvelle», июль–август 1894 г.), но он не закончил ни этого письма, ни начатую в конце года рукопись, продолжение «Empire knouto-germanique». В виду недостаточного количества имеющихся писем и рукописей за период 1872–1873 г. г. мы можем говорить о его точке зрения на тактику Интернационала только по неподписанным, но несомненно им набросанным, резолюциям по этому вопросу итальянского конгресса, состоявшегося в марте 1873 г. (см. ниже).

Нет возможности останавливаться здесь на сочувственном приеме, оказанном резолюциям, принятым на конгрессе в Сан-Имье, федерациями, принимавшими участие в этом конгрессе. Но всетаки разрешение вопроса о созыве самостоятельного конгресса, который должен был состояться уже в марте, не подвигалось своевременно вперед, и бельгийцы, в известном смысле образовавшие правое крыло, в то время как итальянцы составляли левое, а испанцы и юрцы центр – так же как в 1871 г. после юрского циркуляра – действовали осторожнее всего. Несомненно набросанная Бакуниным резолюция для Мирандолы – в действительности конгресс состоялся в Болонье (март 1873 г.) – предлагает, чтобы на общий конгресс итальянские делегаты были допущены только под условием подчиниться договору о солидарности и с тем, чтобы у них был мандат, включающий следующие пункты: 1. Восстановление старых предпосылок («*Considérants*») Интернационала (в том виде, в каком они были вотированы в Женеве в 1866 г.) – 2. Солидарность в экономической борьбе, как единственное обязательное связующее начало и полная автономия во всем остальном. – 3. Уничтожение всякого авторитета и центральной власти в Интернационале и полная автономия секций и федераций. Эту резолюцию мы можем рассматривать как первое и последнее условие Бакунина для восстановления нормального положения в Интернационале. Общеизвестно, что свободнически настроенные федерации всегда чувствовали себя свободными и смотрели на Генеральный Совет только как на корреспондентское бюро.

Резолюция эта положена также в основе реорганизации Интернационала, произведенной на Женевском конгрессе (сентябрь 1873 г.), и она показывает также, что существование Интернационала продолжалось и что из его рядов исчезли только марксовский Генеральный Совет и несколько секций фанатичных социал-демократов или политиканов.

Дискуссия о ближайшем конгрессе была, наконец, закончена бельгийским предложением, которое гласило, что Юрская федерация должна подготовить созыв общего конгресса в Швейцарии. Юрцы предложили тогда Женеву, где впоследствии Ф. А. Зорге созвал также и авторитарный конгресс.

В конце апреля 1873 г. появился «Мемуар» Юрской Федерации, наиболее важный взнос в историю Интернационала и образец спокойного, делового изложения фактов.

Деятельность Нью-йоркского Генерального Совета не заслуживает того, чтобы мы на ней останавливались; повсюду полнейший провал и бессильное важничанье; свободнические федерации отрешаются от церкви все вместе и каждая в отдельности; уполномоченные для Франции, пользующиеся печальной известностью д'Энтрэг и Ван-Геддегем, превращают свои организации в полицейские гнезда; Романская федерация женевских политиканов разлагается и т. д. Женевский «конгресс» 1873 г. увенчал конец этого вполне провалившегося предприятия, а в июле 1876 г. последовал, наконец, и формальный роспуск.

Последним ударом Маркса и Энгельса, увидевших, что все их хитроумно возведенное здание рушится, была составленная ими (вместе с Утиным) брошюра об Альянсе («*L'Aliiance de la démocratie socialiste et l'Association internationale des travailleurs*», 1893 г., датировано 21 июля). В основу испанской главы этой брошюры положена брошюра Лафарга. Это сочинение совершенно лживо уже в самом своем замысле и кишит извращениями в деталях; ни одной цифры в нем нельзя оставить непроверенной. Основой ее послужили исключительно документы, самой следственной комиссией по делу Альянса в Гааге обозначенные в качестве проектов, относительно действительного значения которых для какого бы то ни было времени не было приведено ни одного хотя бы самого незначительного доказательства; затем существование «Alianza» в Испании, связь которого с какой-либо организацией вне Испании не доказана; и наконец письмо Бакунина к А. Мора (5 апреля 1872 г.), в котором упоминается об Альянсе в Италии, Испании и Швейцарии, но без указания на то, в какой форме он существует. Наряду с этим не выдерживающим критики ничтожным материалом имеется обширный вымышленный материал, созданный произвольно тем путем, что каждый поступок, каждый шаг какого-либо принадлежащего к свободническому направлению лица или секции обозначается как поступок «Альянса», причем ему приписываются самые дурные мотивы. Трудно себе представить менее ценный для истории и более лживый материал. Бакунин покончил с этой брошюрой в одном письме в «*Journal de Genève*»

(25 сентября 1873 г.).

Согласно своему плану уйти от публичной деятельности Бакунин не принимал участия в Женевском конгрессе (1–6 сентября), хотя он впрочем тогда как раз прибыл в Берн из Локарно и виделся с некоторыми из участников конгресса. Конгресс, в котором приняли участие делегаты из Швейцарии, Испании, Италии, Франции, Бельгии, Голландии и Англии, реорганизовал Интернационал на свободнических началах и заменил Генеральный Совет федеральным бюро, функции которого на первое время были возложены на бельгийскую федерацию. За Женевским конгрессом последовали конгрессы в Брюсселе (1874 г.), Берне (1876 г.), Вербье (1877 г.), продолжателями которых можно считать – не в организационном, а в принципиальном смысле – Лондонский конгресс (1881) и съезды Женевский (1882 г.) и Барселонский (1885 г.).

После этой полной победы свободнического направления Бакунин в упомянутом письме от 25 сентября, а также в *прощальном письме к товарищам Юрской федерации* («Bulletin» (Яффи: ??????), 12 октября 1873 г.), заявил о своем уходе из Интернационала и от публичной деятельности. Этот шаг должен был в действительности маскировать его решение отдаться всецело широкой тайной революционной деятельности, для которой, как ему казалось в 1873–74 г. г., в последний раз, опять складывались благоприятные условия.

Проезжавшие с Гаагского конгресса через Швейцарию испанские делегаты, приехавшие в Цюрих итальянцы и некоторые другие имели накануне конгресса в Сант-Имье совещания с Бакуниным в Цюрихе, на которых частные связи, (т. е. «Альянс») были реорганизованы. К сожалению для 1872–73 г. нет почти никаких прямых источников о деятельности Бакунина. Его образ жизни в Локарно рисуют нам записки И. Соколова. Летом планы Кафиери нашли окончательное выражение в том, что было приступлено к покупке и перестройке виллы «Бароната».

В Италии после конгресса в Болонье (март 1873 г.) состоялся ряд провинциальных конгрессов, и были основаны областные федерации. Болонские резолюции, как уже было сказано, частью несомненно редактированы Бакуниным; восьмая резолюция содержит в себе теоретическую программу Бакунина; через посредство этой резолюции конгресс признает, себя атеистическим и материалистическим, анархистским и федералистическим; он высказывается за коллективную собственность, представляя ее организацию мысли и инстинктивному действию свободной коммуны и свободной ассоциации.

События, имевшие место в 1873 г. в Испании, возбудили надежду в возможность торжества революции, и по настоянию испанских друзей Бакунин решил сам поехать туда. Это его намерение не удалось осуществить вследствие недостатка денежных средств и ареста человека, посланного достать деньги. Бакунин хотел тогда прежде всего направиться в Барселону, которая впрочем по своей роли в тогдашнем движении уступала целому ряду небольших

городов – Алькои, Сан Люнар де Баррамеда и т. д. В действительности, насчитывавший так много секций и членов испанский Интернационал не выполнил того, чего от него можно было ожидать. Движение в разных местах начиналось в политической форме, и интернационалисты, ненавидевшие политику, уже слишком сторонились от него. По различным признакам можно заключить, что это не было во всяком случае точкой зрения Бакунина, который несомненно попытался бы как в 1870 г. и 1874 г. – объединить все партии, участвовавшие в движении. Возможно поэтому, что его поездка в Испанию существенно изменила бы позицию Интернационала и тем самым воспрепятствовала бы тому, что восстания были подавлены каждое в отдельности. Так пала в конце концов и Картагена после осады, длившейся несколько месяцев, 10-ого января 1874 г. Интернационал был закрыт правительством Серраноса, и он должен был после этого в течение семи лет существовать в виде нелегальной организации, имевшей свои конгрессы, избиравшей комиссию, издававшей газеты и т. д. Без подготовительной школы, которой был испанский Альянс, это единение было бы гораздо труднее провести в жизнь.

Французские связи Бакунина в этот период ограничивались, как показывалось в письме от 11 января 1873 г, немногими личными знакомыми. В Юрской федерации Бакунин более не выступал.

В августе 1873 г. Кафиеро настоял на том, чтобы Бакунин совершенно ушел из легального движения, чтобы развить еще более серьезную тайную революционную деятельность. Согласно этому он объявил в упомянутых письмах, написанных в сентябре и октябре, о своем уходе и благодаря приобретению виллы «Бароната» на северо-восточном берегу Лаго Маджиоре, к северу от Локарно, превратился как-будто в ушедшего от дел буржуа. После недолгого пребывания в Берне, с начала сентября до октября, он жил все время до июня 1874 г. в «Баронате».

Мысль Кафиеро не оправдалась. «Бароната» стала правдой, приятным временным убежищем для некоторых итальянских и других членов Интернационала, и в 1874 г. в ее стенах действительно велось подготовка итальянского революционного движения. Но финансовая сторона дела не была правильно рассчитана. Необходимая перестройка дома, ряд других расходов, по устройству сада и т. д., а также непрактичный образ жизни поглотили большие суммы, и Кафиеро лишен был возможности продолжать этот эксперимент. По поводу создавшегося положения имеется, наряду с преувеличенными слухами, подробное изложение самого Бакунина, к которому я должен отослать читателя. В июле 1874 г. выяснилось, что затягивать дальше прежнее положение невозможно, и Бакунин оставил Локарно, куда он уже более не возвращался.

В то время подготовлялось последнее движение, в котором ему суждено было участвовать. После поражений во Франции и Испании один только итальянский Интернационал остался нетронутым. В предполагавшемся движении должны были принять участие все прогрессивные партии, и в действитель-

ности были установлены связи с гарибальдийцами и самим Гарибальди и даже с менее доктринерскими элементами из мадзинистов. Эти связи, правда, не привели к какому либо окончательному соглашению, и следы их исчезли после неудачи движения, но в то время они все же несомненно существовали. Экономический кризис, вызвавший, начиная с весны целый ряд местных голодных бунтов, дал возможность установить связь с народными массами. С января 1874 г. распространяли нелегально издававшиеся летучки «Итальянского Комитета социальной революции». Движение должно было начаться в августе. После арестов мадзинистов в Вилли Руффи правительство начало распускать интернационалистические и демократические кружки в отдельных областях (начало августа). Все это, а также арест членов Интернационала в Равенне (26 июня) еще более ускорило взрыв движения, которое должно было начаться в Болонье.

Остается неизвестным, в какой форме Бакунин предполагал в самом начале участвовать в этом движении. Но после ряда событий, происшедших в июле 1874 г., о которых невозможно передать вкратце, он решил поехать в Болонью, где он рассчитывал умереть. 27 июля он выехал из Локарно в Шплуген, 29 июля он поехал дальше в Колико на озере Комо, а затем через Верону в Болонью, куда он приехал 30 июля ночью и где он встретился с А. Коста, главным подготовителем движения. После кратковременных поездок в Рим и Ровиго Коста был арестован в Болонье 5 августа вечером. Бывший с ним в это время Альцест Фаджиоли успел спастись и предупредить Бакунина, которого немедленно перевели на другую квартиру. После совещания 6 августа и последнего большого совещанья, состоявшегося вечером 7 августа, наступила ночь с 7 на 8 августа, в которую должно было начаться движение. Тогда группы интернационалистов направились из Имоллы в Болонью, а местные собрались на Pratti di Carpara, за городом где раздавалось оружие. Ближайшей задачей было овладеть утром Болоньей. Но собравшиеся ночью, которых вначале было очень много, не обладали достаточным мужеством, чтобы действовать решительно. Группы, направлявшиеся из Имолы, были на полпути задержаны солдатским отрядом. Самые решительные из собравшихся на Pratti di Carpara дрались в горах, но солдаты быстро обратили их в бегство, и в Болонье попрежнему воцарилось спокойствие. Бакунин, прождавший всю эту печальную ночь на своей квартире и оставленный в одиночестве между 3–им и 4–ым часом утра, решил покончить с собой в 4–ом часу, от чего его удержал возвратившийся к этому времени товарищ, тот самый, который приютил его.

Но даже и тогда, очевидно, не была вполне брошена надежда на возможность поднять движение, и отъезд Бакунина из Болоньи в Швейцарию имел своей ближайшей целью, как видно, совещание с Кафиеро по этому поводу. 12 августа он уехал из Болоньи, переодетый сельским священником, а затем отправился из Модены во Флоренцию вместе с Ф Натта, с которым он часто виделся в Болонье. Отсюда он поехал через Верону и озеро Комо опять в Шплуген,

где он напрасно целую неделю ожидал Кафиеро и откуда он писал 20 августа, что он намерен возвратиться туда, откуда он приехал, т. е. в Италию.

Но и все остальные попытки движения в Италии едва только начинались или сразу же терпели неудачу. Подготовка его в Тоскане привело к судебным процессам во Флоренции, Ливорно и Массе, подготовка в Сицилии, Калабрии и Апулии (где Малатеста с некоторыми товарищами действительно в течение нескольких дней действовали в Кастель дель-Монте в качестве повстанческого отряда) привело к процессу в Трани. Несколько судебных процессов имели место в Риме и Перуджии. Самым значительным был судебный процесс в Болонье, длившийся с марта до июня 1876 г. и закончившийся оправдательным приговором. Действительное участие Бакунина в этих приготовлениях не было раскрыто во время этих процессов.

Можно доказать, что в последние дни своего пребывания в Шплюгене, 24 или 25 августа 1874 г., Бакунин решил окончательно уйти от общественной деятельности; «j'en ai assez de la politique et des entreprises revolutionnaires, ma dernière expédition m'en a décidément enlevé le gout – et je suis assez vieux pour bien avoir le droit de prendre ma démission» («Довольно с меня политики и революционных предприятий – моя последняя экспедиция решительно заставила меня потерять вкус к ним – и я достаточно стар, чтобы иметь право выйти в отставку») – так писал он вскоре после этого. Его опыт в Италии, где ему давали преувеличенные сведения о средствах, имеющихся для организации движения, а также личные огорчения со стороны людей, стоявших к нему очень близко, объясняют его тогдашнее пессимистическое настроение. 26 августа он выехал из Шплюгена через Цюрих и Фрибург в Сьерр (кантон Валлис), где с 6 сентября его след теряется. Только 9 октября мы его находим в кругу своей семьи, в Лугано, куда он только что прибыл. Там он прожил почти до самой своей смерти.

С тех пор Бакунин жил действительно в стороне от всякой революционной деятельности. Он, правда, преодолел фазу пессимизма, охватившего его в течение лета и осени 1874 г., но реакция настолько восторжествовала, что не было никакого движения, которому он мог бы отдать свои последние силы. Связь между остатками движений различных стран также была почти прервана, и Бакунин имел возможность встречаться только с отдельными своими посетителями – русскими, итальянцами, французами и др.

Злобная клевета не оставляет в покое и последние двадцать месяцев его жизни, омраченные материальными заботами. Стараются заставить поверить, что он под конец своей жизни стал придерживаться даже умеренных взглядов, или что его умственные способности ослабели. Но как личные сообщения, так и ряд писем и отрывков рукописей совершенно опровергают эти утверждения.

В одном отрывке из письма от 13 февраля 1875 г. он пишет: «я совершенно с тобою согласен, что час революции прошел, не вследствие ужасных несчаст-

ных случаев, которых мы были свидетелями, или страшных поражений, жертвами которых, более или менее виновными, мы были, – но потому что я, к своему величайшему отчаянию, констатирую и ежедневно вновь констатирую, что революционная мысль, надежда и страсть абсолютно отсутствуют в массах, а когда их нет, то сколько ни напрягай своих сил («on aura beau se battre les flancs»), все равно ничего не добьешься». . . Он восхищается терпением и выдержкой тех, кто продолжает вести пропаганду, но самого себя он чувствует для этого слишком старым, слишком слабым и уставшим и во многих отношениях слишком разочарованным («désabusé»). Он чувствует очень сильное желание отдалиться от научному, совершенно объективному изучению причин торжества реакции.

Между тем как во время своей пропагандистской деятельности он считал религиозные предрассудки масс в известной степени безвредными, чем-то таким что является формой выражения экономических стремлений бедняков (небо, это – утопия, социализм бедных) и между тем как он в период практической деятельности считал церковную реакцию бессильной и менее важной чем государство, с которым следовало бороться непосредственно, – он теперь, в период спокойного анализа, возвратился опять к религии и духовенству, как к самой ненавистной форме реакции. По отношению к ней ему даже Бисмарк, представитель наиболее суровой государственности, казался, заслуживающим признательности благодаря его участию в «Kulturkampf»е, и он с удовольствием следил за этим движением. 18 октября 1875 г. он писал на немецком языке следующее: «теперь мне опять представляется полезным, необходимым поднять старый, забытый клич энциклопедистов: «Ecrasons l'infâme», и как в мое доброе старое фанатичное время, когда я имел обыкновение говорить: «Что вы мне рассказываете о непартийности, мы оставим непартийность Господу Богу!», – так же и теперь я опять начинаю мало заботиться об абстрактной справедливости: все, что уничтожает церковь и попов, справедливо в моих глазах». . . В этом смысле он интересовался борьбой республики против клерикализма во Франции, и он очень был обрадован результатами выборов 20 февраля 1876 г. – я думаю, что он и в этом пункте правильно предвидел будущее: рабочее движение разных стран стало с семидесятых годов на путь политики и социального реформизма и не вело с тех пор серьезной борьбы против государства и церкви, благодаря чему их власть очень выросла и укрепилась, чему мы теперь являемся свидетелями.

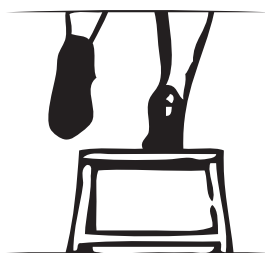
Приходится отказаться здесь от изображения жизни Бакунина в Лугано. Об этом много трогательного, хотя и с преувеличениями, внушенными впрочем самыми лучшими намерениями, Артура Арну. Когда Бакунин был здоров, его интересовало все, в том числе сельское хозяйство, местные дела – и, больше чем он сам себе сознавался, социалистическое движение, получившее в Италии опять несколько большую свободу проявления, но он часто болел и много

страдал. Он хотел было еще раз переселиться в Италию (в Неаполь), но тяжелая болезнь заставила его поехать в Берн лечиться у старого друга, профессора Адольфа Фохта. Он приехал туда 13 июня и немедленно принужден был лечь в частный госпиталь, где его навещали до последнего часу наряду с Фохтом также и его старые друзья – семья Рейхель. После долгого, длившегося несколько дней, сонного состояния он умер 1 июля 1876 г., в полдень.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 июля 2014

Макс Неттлау

Жизнь и деятельность Михаила Бакунина

1920

Сохранен 18 июля 2014 года из <http://revbel.org/2011/09/znamenity-e-anarhisty-2/>